ФАНТАСТИКА

ЗА ПОЛОГОМ ИЗ МОЛНИЙ #5

МЕДИА КНИГА

АЛЕКСЕЙ РУДАКОВ

ПРЕДИКТОР С ЗЕИ

Том 1

Алексей Анатольевич Рудаков

Предиктор с Зеи. Том 1

Серия «За пологом из молний», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63537946

Аннотация

Продолжение приключений вольного пилота. Изначально, данный текст задумывался как сборник рассказов о борьбе выживших жителей Земли с механическими формами жизни. Но, к неудовольствию автора, что-то пошло не там и из отдельных рассказов выросло нечто большее, рассказывающее о финальной стадии приключений Игоря Маслова, которые ставят точку в серии «За Пологом из молний».

Вернее – многоточие, т. к. его приключения будут продолжаться и дальше, но в несколько иной, неожиданной форме.

В этой книге читателя ждёт не только Земля, после нашествия механоидов, но и некий странный мир, созданный знакомым Вам Древним, пройдя который главный герой и его друзья окажутся перед неожиданным открытием, тем самым многоточием, о чём было написано выше.

Содержание

Часть Первая 4
Предисловие 4
Глава 1 8
Глава 2 39
Глава 3 70
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Алексей Рудаков
Предиктор с Зеи
Том 1

Часть Первая
Земля павшая

Предисловие

Где-то вне времени и пространства.

Пещера была не велика, и не мала. Да и пещерой это место назвать бы смог только человек, окажись он в этой точке мироздания. Так, например, в глазах арахнида, густо усеивавших его головогрудь, отразились бы плотно укутанные паутинной ветви деревьев и растений, Рептилоид начал бы радоваться красивому изгибу стен, выкопанной в плотном и тёплом песке, норы, а представитель водной расы повёл бы плавниками, или щупальцами, оценивая танец водорослей, плавно покачивавших своими стеблями в мягких водных струях.

Единственным же, то есть тем, что представители всех рас увидели бы одинаково, были толстые, бесцветные и прозрачные нити, занимавшие всё пространство и тянувшиеся от начала пещеры, к её концу. Названия эти – «начало», «конец», были условны. Это место, размещённое вне пространства и измерений, было замкнуто само на себя, соединяя в одной и той же точке всё то, что глаза разумного могли донести мозгу в виде понятных и привычных образов, но речь, сейчас не об этом.

Нити – вот то главное, ради чего оно существовало. Длинные, изгибающиеся петлями, они то проявлялись, то пропадали, шевеля густой бахромой своих тонких пасынков, окружавших материнские тела густой щетиной. Некоторые из деток были такими же прозрачными, как и тела родителей, другие, словно протестуя против однообразия, сверкали яркими цветами, отчего пространство пещеры расцветало красивыми цветными переливами.

А ещё здесь были живые.

Три фигуры. Три женские фигуры, вооружённые ножницами.

У этих женщин было много имён. Кто-то знал их как мойр, другие называли норнами, а ещё они были известны под именами Макошь, Доля и Недоля.

Но если их имена и различались, то в том, что они делают, сходились мнения совершенно всех культур – то были богини Судьбы, имевший власть как сплетать судьбы разумных,

так и обрывать нити их жизней.

Сейчас же, богини были разгневаны. Сбившись в кучку, они гнули спины, разглядывая нечто лежавшее на полу и раздражённым шипением высказывая своё недовольство.

Причиной их гнева была пара нитей золотого цвета. Толстые, с разлохмаченными концами, они медленно тускнели на сером камне, обещая вот-вот исчезнуть из бытия.

– Невозможно! – Присев, одна из сестёр провела рукой над нитями.

– Смертные? – Присев рядом, повторила её жест вторая и сама же ответила на свой вопрос: – Да!

– Как они посмели?! – Третья осталась стоять: – Нарушение!

– Потрясения основ! – Распрямила спину вторая.

– Наказание? – Подняла голову первая.

– Непременно!

– Немедленно!

– Согласна, – кивнула так и оставшаяся сидеть первая, и её сёстры сдвинулись со своих мест.

Пока они лавировали меж пушистых хвостов, первая, тяжело вздохнув, коснулась пальцами почти совсем истончившихся нитей: – Савф… Ролаша… – Прошептала она: – Спи, брат. Спи, сестра. Мы – отомстим.

Когда она поднялась на ноги, это произошло только после того, как нити судеб поверженных Богов полностью исчезли из виду, работа её сестёр была практически завершена – сеть,

сплетённая из тонких разноцветных нитей, уже опускалась на сине-голубой шар планеты, бывшей третьим спутником ничем ни приметной жёлтой звезды.

Глава 1
Охота

Лежащий в невысокой траве человек всеми силами старался походить на труп, или, как минимум, на крепко спящего. Он не пошевелился даже тогда, когда в его гарнитуре сухо треснул сигнал, означавший скорое начало операции.

Подсказка, выданная в эфир старшим их отряда, была ему без надобности. Обнимая землю расслабленным телом, он, став одним большим ухом, прекрасно слышал шум, быстро приближавшийся к месту его лёжки.

Ещё один щелчок и шум начал распадаться на отдельные ноты, позволяя ему разобрать детали происходящего.

Вот легко топают по земле ноги каких-то быстрых созданий. За ними, заметно отставая, раздаются тяжёлые шаги. Преследователи первых, лёгких созданий, ступают тяжело, с силой вбивая ноги в мягкий, поросший травой, грунт. Короткое ожидание и разносящиеся по и под землёй шаги исчезают, перекрытые новым источником.

Теперь это звук.

В воздухе, будоража утреннюю тишину, раздаётся заливистый женский смех, прерываемый весёлым визгом, напрочь сметающим сонную дремоту природы.

Человек неподвижен.

Ему нет нужды шевелиться, приподнимать голову, чтобы

зрением подтвердить нарисованную слухом картину. Он не первый раз участвует в подобной охоте. Человек остаётся спокойным даже тогда, когда троица продолжавших весело хохотать женщин – совершенно обнажённых, без малейшего клочка ткани, прикрывающего красивые тела, проносятся мимо него останавливаясь метрах в ста за его ногами.

Новый звук – теперь слух лежащего различает хриплые ругательства, вырывающиеся из ртов нескольких мужчин. Они порядком запыхались, преследуя убегавших прочь подруг, и были не на шутку раздражены – женщин было всего три, а вот их, претендентов на близость, куда как больше.

– "Должно быть не менее пяти", – мысленно нахмурился мужчина, злясь, что из-за их хрипа не может точно определить количество.

– "Впрочем, это не важно", – отбросив излишнее сейчас недовольство он сосредоточился на своём теле, ожидая нового, такого долгожданного, дрожания почвы.

Что сейчас происходит у него за спиной, человека сейчас интересовало менее всего. Это была уже его шестая, или восьмая охота и сценарий, знакомый ему до мельчайших подробностей, был малоинтересен.

Вот сейчас, стоит только мужчинам оказаться сзади него, как женщины начнут их дразнить, принимая завлекательные, неприличные до предела позы, одновременно распаляя мужскую страсть, и громко обсуждать достоинство, или достоинства – как вам угодно, того, или иного кавалера, про-

воцируя конкурентов на схватку. Мужчины же, чьи лица побагровеют от желания, а прочие части тела наглядно покажут готовность к известному процессу, учинят меж собой драку, оспаривая друг у друга привлекательных красоток.

Самое обычное поведение людей – брачные игры перед спариванием. Многократно записанный и растиражированный процесс, который, несмотря на свою известность, по-прежнему привлекает внимание механоидов Зеленой зоны.

И да – привлекают их внимание именно такие, разгорячённые, пышущие страстью люди. Лежащее же в траве, неподвижное, и никак не реагирующее на происходящее тело, будет оставлено без внимания – кому нужен старый, или больной экземпляр, когда рядом прыгают пышущие здоровьем самцы и самочки?

Земля под человеком вздрогнула по-новому, источник новых возмущений был там, откуда прибежали жаждавшие утех люди и лежащий первый раз за всё время пошевелился. Чуть приподнявшись на локтях над травой он быстро оглядел кусты, за которыми, судя по его чутью, ворочалось нечто крупное, посылавшее в грунт равномерные и монотонно одинаковые импульсы-толчки.

Ветки покачнулись, сквозь них, на короткий миг проблеснуло нечто, сочетавшее в себе и металл, и стекло, и человек, чуть сдвинувшись в сторону, охватил руками ложе тяжёлой крупнокалиберной винтовки, над телом которой была

закреплена толстая колбаса оптического прицела.

Раздавшиеся за его спиной сочные удары кулаков, сопровождаемые болезненными вскриками пропустивших удар людей и победными от их более опытных в схватках конкурентами, заставили стрелка недовольно поморщиться:

– «Не поубивали бы они себя», – мелькнула у него короткая мысль: – «А то, как в прошлый раз, побьют друг друга, на баб залезут, хрен стащишь». – Еще несколько секунд он раздумывал над своей мыслью, улыбаясь удачному сочетанию – «залезут» и «хрен стащишь», но ветки шевельнулись и сквозь них, раздвигая сочную зелень сегментами брони, выдвинулся механоид.

С точки зрения стрелка он был красив.

Толстую, бледно-синюю линзу тела, несло над землёй множество разноразмерных ног. Окинув их частокол быстрым взглядом, человек понимающе и довольно улыбнулся – перед ним был ветеран неживого войска, нёсший в своём чреве не просто богатые, а очень и очень ценные трофеи. Такая классификация механоида была верна – только те машины, что упали на Землю в день крушения чужого звездолёта, имели право на ремонт в своих логовах. Вот их и ремонтировали, меняя повреждённые части на новые, зачастую отличавшиеся по дизайну и внешнему виду от оригинальных, вышедших из-под рук их создателя, иногда именовавшегося «Богом Машин».

– Да, это из старых, – разглядывая тело ветерана в оптику, стрелок любовался механоидом, наполовину выбравшимся из кустов и застывшим неподвижно, словно охотник, боящийся спугнуть робкую дичь. Его лапы, те самые – разноразмерные и разномастные, чуть шевельнулись, тело вздрогнуло, самую малость наклоняя переднюю часть к земле и стрелок поспешно оторвавшись от созерцания сегментированного тела, перевёл прицел на основание длинной гибкой шеи.

Бить следовало именно сюда – в узкую щель меж рифлёной трубой шеи и подобия воротника, прикрывавшим уязвимое место её начала. Там, за тонким слоем гибкой как ткань брони, расположился толстый пучок проводов, по нежным телам которых текла в центральный процессор информация от головы, напичканной оптическими и иными сканерами.

Сзади раздались восторженные женские вопли и человек, на краткий миг отлипнув от оптики, поднял глаза разглядывая плавный изгиб шеи, увенчанный коробом головы, из которой торчали шевелившиеся объективы и нервно вздрагивавшие решётчатые тарелки антенн. Будь механоид живым, то вполне можно было подумать, что его захватило разворачивавшееся за спиной стрелка действо. Но он был машиной – бездушным устройством, созданным неведомым человеку гением с одной только целью – охотой на людей.

– Это мы ещё посмотрим, – прижимаясь щекой к накладке приклада, проворчал стрелок, сызнова ловя щель в сетке прицела: – Кто здесь «ху», как говорится.

Линза тела чуть сдвинулась вперёд – механоид готовился к атаке и человек замер, боясь дышать – вот сейчас… Вот ещё немного и…

Рифлёная труба дёрнулась, вытягиваясь в струну – сенсорам для прицела нужна была высота, тело, противореча голове, наклонилось ещё сильнее готовя прыжок и перед стрелком, почти точно в центре, где сходились линии прицела, появилась натянутая ткань броневой пелены.

Картинка замерла и стрелок плавно потянул спуск, загоняя в перекрестие центр открывшегося ему участка.

Выстрел, совершённый в этот, золотой момент, имел для ветерана-механоида самые печальные последствия.

Пуля – тяжёлая и мягкая, угодив в самый центр защитной пелены, выгнула её парусом, борясь с прочностью гибкой брони, всем своим существом стремясь пробить хоть крохотную дырочку в её теле.

Безуспешно – защита была сработана на совесть. В отличии от крепежа, удерживавшего её на месте. Сработанный из сверхпрочных материалов он был готов с честью выполнять свой долг, принимая на себя самые запредельные нагрузки.

Запредельные – да.

Резкие, взрывные как сейчас – нет.

Надо отметить, что это испытание крепёж выдержал с честью. Лишь только пара держателей, всего два, не смогли сохранить целостность и лопнули, заставив центральный процессор сделать короткую заметку-требование о ремонте.

Но для пули, чьё тело уже превратилось в раскалённую и перегретую жидкость, и этой малости было достаточно.

Миг – требование о ремонте уже покидало передающие антенны механоида, миг и дождь раскалённого свинца хлынул внутрь тела машины, выжигая тонкую электронику и испепеляя шлейфы проводов, несчастливо оказавшиеся у него на пути.

Механоид вздрогнул, его голова задёргалась, не получая сигналов от процессора и тело присело наземь, откладывая охоту на продолжавших резвиться людей и выкраивая секунды на диагностику.

Но люди – не те, что исполняли брачный танец, другие, ведшие свою охоту на охотника, были начеку.

Оторвавшийся от прицела стрелок ясно видел, как из травы, всего в десятке шагов от замершего исполина, поднялась затянутая в камуфляж фигура. Подскочив к оглушённо ворочавшему ослепшей головой механизму, человек, в руках которого появился длинный и тонкий шест, с силой воткнул его в проделанное пулей отверстие и, наваливаясь на палку всем телом, принялся шурудить ей внутри корпуса разрывая и калеча нежные электронные потроха.

Его усилия увенчались успехом практически сразу – лапы механоида подогнулись, линзу тела повело вбок и машина, дёрнувшись словно в агонии, застыла на земле, выпустив из дыры тонкую, практически сразу растаявшую в воздухе, тонкую струйку сизого дыма.

Поднявшись на ноги и по-охотничьи положив винтовку на сгиб руки – последнее, учитывая габариты оружия требовало не только силы, но и определённой сноровки, стрелок двинулся к поверженному механоиду, на ходу выуживая свободной рукой пачку сигарет из нагрудного кармана.

– Будешь? – Подойдя к человеку, сидевшему привалившись спиной к корпусу машины, стрелок, прежде устроивший ружьё в щели меж скрюченных лап, протянул шестовику зажжённую сигарету и тот, молча кивнув, принял её заметно подрагивавшей рукой.

– Я бы так не смог, – усевшись рядом с ним, стрелок принялся массировать ноги: – Вот так как ты – лежать, зная, что пойди хоть что-то не так и кирдык. У меня хоть шанс удрать есть.

– Не скажи, – несколько раз сильно затянувшись, покачал головой его собеседник: – Как по мне, то это у тебя работка адская.

– Да ну?

– Угу. Вот прикинь – засканит он, – подняв руку, шестовик постучал пальцами по глухо звякнувшему в ответ корпусу: – Ствол твой, да и жахнет. Чисто для контроля. Ну – на всякий случай. И что тогда?

– Ну так не жахал же, – пожал плечами стрелок, в душе соглашаясь с доводами шестовика. Этот спор, ставшей уже их личной традицией, они вели после каждой охоты. Успеш-

ной, разумеется, ибо пойди что не так, то спорить было бы не с кем.

– Всё бывает в первый раз, – назидательно покачал почти выкуренной сигаретой шестовик: – И мне-то что? – Привычно высказал он уважение заслугам товарища: – Это всё ты. Мне что? Великое дело в слепого, – он снова постучал по корпусу: – Палкой тыкать. Безопасно. А вот тебе…

Не договорив, он принялся вставать на ноги, а когда встал, то выброшенный им окурок описал широкую дугу в сторону небольшой рощицы, темневшей метрах в трёхста от их места.

– Пошли, – поднялся радом с ним на ноги стрелок и кивнул в сторону десятка небольших человеческих фигурок, бежавших им навстречу из той самой рощи: – Наша работа сделана, пусть теперь остальные трудятся.

Первым, как и положено командиру, спешащему поздравить успешно выполнивших тяжёлую работу подчинённых, быстро шагал старший их группы.

Поравнявшись с обнажёнными людьми и не высказывая никакого интереса к раскрасневшимся красоткам, он сбросил на землю два рюкзака и уронив одновременно с ними короткое:

– Одевайтесь!

Двинулся дальше, на ходу разводя руки для объятий.

Первым объятьями был одарён шестовик – стрелок, на-

ходившийся в отряде чуть дольше, предусмотрительно отошёл в сторону, держа винтовку в своей излюбленной, охотничьей, манере.

– Молодцы! – Стиснув шестовика в крепких объятьях, тот, не привыкший к подобному тихо пискнул, командир отряда несколько раз хлопнув жертву по спине, наконец решил, что чувств излито достаточно и отступив на несколько шагов, кивнул, обращаясь к ним обоим.

– Молодцы! И ты, – ударил он кулаком воздух в сторону стрелка: – Вглаз! Отличный выстрел! И ты! – Теперь кулак пнул воздух в сторону растиравшего бока второго: – Вануз! Быстро успокоил! Моя школа! – Гордо он расправил грудь: – Не зря я, Триз вас по тренажёрам гонял! Ох не зря! А начинали-то как? А? Вглаз? Вантуз? Помните? Босс же вас из грузчиков выпускать не хотел! А кто разглядел? Потенциал ваш? А? Кто? Я вас спрашиваю?

От привычного, и набившего оскомину, восхваление начальства, стрелка и шестовика спас шум, раздавшийся за спиной старшего.

Картина, открывшаяся начальственному взору, была далека от ожидаемой – две группы, мужская и женская, обе только частично одетые, стояли друг против друга готовые сцепиться в один орущий, размахивающий кулаками, ком.

– Вот же…., – закончив фразу крепким ругательством, Триз, рванул к медленно сходящимся людям и, оказавшись между ними, расставил руки в стороны, заставляя пышущих

гневом противников замереть.

– Не буду угрожать, – начал он, глядя себе под ноги: – Вы меня знаете – не люблю. Но если через минуту это, – последовал кивок в сторону механоида: – Не начнёт движение, – последовала короткая пауза: – То оставлю здесь! Всех! Нашли время!

– Но… Господин полковник! – Стоявший в первых рядах мужчина, лет примерно тридцати и отличавшийся идеальным сложением тела, почтительно поклонился и, льстя начальственному слуху – прозвище-позывной «Триз» было образовано из «Три Звезды», повторил:

– Господин полковник, при всё моём уважении, господин полковник, терпеть подобное невозможно. Никак невозможно!

– Так, – смягчившийся Триз, так всегда бывало в подобных ситуациях, особенно, когда всё происходило после успешной охоты, доброжелательно кивнул красавчику: – Говори, Вальтер.

– Господин полковник, – немедленно начал тот, спеша воспользоваться возможностью: – Я считаю недопустимым высказывания моих коллег, – последовал кивок в сторону продолжавших зло шипеть женщин: – В мой адрес. Особенно, когда эти оскорбления касаются…

– Да было бы чего касаться! – Выступившая вперёд своих подруг женщина, примерно ровесница Вальтера, насмешливо встряхнула крупной грудью, явно дразня и командира и

Вальтера:

– Там стручок – как хомячок! – Ловко срифмовала она, вызвав за своей спиной дружный смех подруг:

– Так хотя бы стоял! Так нет же! Такая кроха и без дела висит! Уж я перед ним и так, и эдак, – покрутилась на месте девушка, принимая позы, одна завлекательнее другой: – А реакции, то бишь эрекции – нет. А ты, дружок, – соблазнительно изогнувшись, повела она бедром, приглашающе открывая промежность: – Уж не педик ли?

– Прекратить! Лиз! – Побагровевший от её выходок Триз, закашлялся и только несколько раз сглотнув ставшую тягучей слюну, продолжил: – Продолжишь – накажу!

– А-ха… Моя – завсегда готовая, – томно промурлыкала Лиз, поглаживая себя между ног: – Нынче же ночью, мой командир? Я с радостью, у вас-то, в отличии от некоторых, – блеснула она глазами в сторону Вальтера: – Всё работает. Знаю-помню.

– А ну! – Побагровевший до невозможности Триз был на грани взрыва: – Оделись, ремни в руки и вперёд! Добыча сама в трюм не влезет! А ты, – погрозил он кулаком Лиз: – Накажу. Жестко! Вычту из доли!

– Лучше – в попку, мой генерал, – промурлыкала девушка и порысила вслед за мужчинами на ходу натягивая куртку и усиленно качая бёдрами.

Зак, командир наёмного отряда "Зак-Зак", слушал доклад

Триза, одновременно наглаживая кота. Гладил он котика с таким тщанием, что любой посторонний, или новичок, окажись он здесь в этот момент, был бы совершеннейше уверен в главенстве процесса поглаживания над всем прочим.

И, действительно, со стороны всё выглядело именно так.

Командирский кот, роскошная, почти пудовая туша которого возлежала на подушке алого бархата с золотыми кистями, подушка, надо заметить покоилась на отдельном столе, придвинутому вплотную к рабочему месту Зака, так вот, кот породы Мейн-кун, производил на всех не привычных к подобному зрелищу, неизгладимое впечатление. Эффект особо усиливался, когда Теодор, так звали котика, потягивался, выставляя напоказ массивные, выкрашенные в тёмный металлик, когти, или, когда зевал, разевая неприлично здоровую для любого представителя рода кошачьих пасть. А добавьте сюда фирменный взгляд, тот самый, смешанный из равных долей презрения и злобы?

Представили? Прониклись?

Вот.

Вот так же проникались и посетители Зака, впервые оказавшиеся в его личных покоях станции "Спираль", которая, оправдывая своё название, неутомимо наматывала витки вокруг прежде не особо знаменитой Зеи, ныне являвшейся магнитом для всех любителей острых ощущений и быстрого обогащения.

Завершая тему Теодора следует отметить, что его появле-

ние у Зака было окутано флёром тайны, раскрывать которую владелец пушистого монстра, не собирался от слова совсем.

Будучи уверенным, что подобная таинственность лишь добавляет очков в его личную копилку престижа, он обходил молчанием прямые вопросы касательно происхождения кота, ловко ускользая от провокаций, ни раз и не два устраиваемых ему множеством собеседников.

Другой тайной, хранимой Заком не менее трепетно, чем предыдущая, была история имени отряда. Если другие командиры отрядов охотно делились славными историями, рассказывающих о своих героических свершениях, давших начало именно их отряду, то Зак поступал прямо противоположно.

Он молчал.

Впрочем, надо отметить, что подобная тактика давала свои плоды, окутывая имя отряда – то самое, незатейливое "Зак-Зак", множеством легенд.

Так, самой распространённой, была версия, что Зак, просто удвоил своё имя, основываясь на чрезмерном самолюбии. Вторая, успешно конкурировавшая с первой, версия, клала в основу имени возглас компьютерного орка из популярной во времена до катастрофы, компьютерной игры. Ещё одно предположение, не такое популярное, как первые две теории, выводило и имя командира, и отряда от имени не то святого, не то пророка – Захария, или Закария, точного имени этого ветхозаветного персонажа никто не помнил. Что

был такой, вроде как наряду с множеством других, тоже уже основательно забытых, ещё помнили, но вот чем именно он был славен, это уже было подчёркнуто мраком забвения, той самой непроницаемой пеленой, игравшей роль благодатной почвы для разного рода вольных домыслов и необоснованных догадок.

Но, вернёмся к докладу Триза.

– Таким образом, – бросая частые взгляды на экран планшета, бубнил командир охотников: – Операция, проведённая под моим личным руководством, завершилась ожидаемым успехом.

– Как и всегда, – тихо промурлыкал Зак, уже ознакомившийся с докладом.

– Как и всегда, босс, – поспешно закивал Триз, очень тщательно следивший за своей репутацией: – Благодаря мне, босс, мы заполучили Охотника-ветерана, Зелёной зоны с приемлемыми повреждениями внутренних структур. Технокра…

– Я уже видел твой отчёт, Триз, – продолжая гладить громко мурлыкавшего кота, кивнул на экран, спроецированный над рабочим столом, Зак: – Нам за твой трофей, – он особенно выделил слово «твой»: – Почти полтинник косых техники отвалили. Твоя доля, – чуть задержав руку, гладившую котика меж расставленных почти горизонтально ушей, Зак, другой рукой, коснулся экрана, обновляя информацию: – Эээ…

Да, как и положено – без малого пять тысяч баллов. Ещё столько же – призовые отличившимся. Награждать кого будешь, или мне всё тебе начислить? – Последнее он произнёс нарочито безразличным тоном, не глядя на Триза.

Соблазн, подвешенный им перед носом последнего, был велик.

Десять тысяч баллов!

Огромная сумма для человека, мечтающего о своём, своём собственном отряде. В своих мыслях Триз уже не раз надевал на плечи полковничьи погоны и гордо, словно это звание и вправду было им заслуженно, выступал во главе своего отряда. Видение, такое чёткое и красочное, снова накрыло его с головой, но он сумел сдержаться.

Не сейчас.

Ещё не время.

Успеется.

– Так что, есть, босс. Я про отличившихся. Вглаз и Вантуз. Они, ну, оба. Да. Именно так. Оба два. Им долю.

– Как скажешь, – пожал плечами Зак, видевший своего подчинённого насквозь и прекрасно осведомлённый о терзавших того мечтах: – Им, так им. Как скажешь, Триз, – его рука скользнула по экрану и коммуникаторы отличившихся бойцов, сейчас отдыхавших в казарменном отсеке, вздрогнули, информируя владельцев о поступлении премии.

– Что-то ещё? – Оторвал взгляд от экрана Зак: – Если всё, то прости, мне Тео кормить пора. Да, сладенький мой? А

кто у меня такой голодненький? – Засюсюкал он, поглаживая живот, вернее сказать приличных размеров пузень своего любимца: – Кто у меня… – прервавшись, он поднял голову, глядя на Триза: – У тебя что-то ещё? Говори – Тео на диете, нельзя график нарушать.

– Ну да, босс, – побледнев, Триз опустил голову и промямлил: – У нас ЧП, босс.

– Говори! – Гладившая кота рука замерла на пушистом загривке и Тео, предчувствуя нехорошее, напрягся.

– Так это, босс, такое, ну, дело. Это в общем…

– Да говори ты уже! Тшшш… Мой сладенький, – убрал он руку, не желая вымещать злость на животном: – Ну?!

– Так это, босс, – выдохнул Триз: – Вальтер Лизку трахнул.

– И всё? И это – ЧП?!

– В шлюзе, босс. Изнасиловал и за борт выкинул.

В наступившей тишине был хорошо слышен цокот когтей Теодора, поспешно ретировавшегося на более безопасную позицию.

Общий сбор отряда Зак решил провести у места преступления – технического шлюза номер шесть, расположенного палубой ниже уровня, где располагались кубрики офицеров и казармы рядовых бойцов отряда «Зак-Зак».

О его приближении, хотя самого командира ещё не было видно, возвестило неторопливое цоканье металлических

подковок его сапог, временами перемежаемое тяжёлым, снова металлическим, стуком трости, которую Зак всегда брал с собой, если дело принимало официальный оборот.

Эта трость, бывшая некогда куском манипулятора механоида, служила Заку наглядным подтверждением, или, если хотите, наглядной демонстрацией своих личных боевых успехов. Сдвоенная палка отливавшего синим металла, была собственноручно выломана им из первой поверженной машины, премия от которой дала начало формированию отряда «Зак-Зак». Что это был за механоид, насколько он был опасен – тут командир вновь гасил интерес любопытствующих пеленой тайны.

Да, завалил.

Да, практически голыми руками.

Это был максимум того, что из него удавалось выжать, и всё последующие вопросы, как бы не старались собеседники, впустую разбивались о ледяную глыбу молчания, неумолимо раздвигавшую простор моря безразличия.

– Здравствуйте, дороги мои, – трость, зажатая в руке Зака, описала широкую дугу охватывая стоявших полукругом, подле Шестого шлюза, людей: – И тебе привет, – конец трости нацелился на грудь Вальтера, привалившегося, или прислонённого к сомкнутым створкам двери. И, судя по изрядно побитому лицу, половину которого занимал крупный синяк, он был именно прислонён, так как стоять самостоятель-

но ему было явно затруднительно.

– Что ж ты так, – со стуком опустив свою игрушку на пол, покачал головой Зак, обращаясь к виновнику общего сбора: – Ну захотел девку, ну поимел её против воли – всякое бывает, – снова покачал он головой: – Мы тут не ангелочки. Все. Верно я говорю?

Вопрос был адресован всем остальным и люди, перешёптываясь меж собой закачали головами, припоминая свои грехи и грешки.

– Я могу понять даже убийство, – приподняв трость, вернул тишину Зак: – Опять же – вот такие мы и с этим ничего не поделать. Но, Вальтер… – издав полный сожаления вздох, Зак замолчал почти на пару десятков секунд: – Но, Вальтер… – повторил он, и вдруг, внезапно сорвался на крик, яростно тыча тростью в сторону преступника: – Ты что?! Не мог другую трахнуть?! Официантку! Грузчицу! Да шлюху хотя бы! Их тут! Толпы! – Смолкнув, Зак вытащил из кармана светло серый платок, украшенный рисунком кошачьих мордашек и, постанывая, протёр раскрасневшееся от вспышки лицо: – Ну прибил бы шлюху, – уже гораздо более спокойным тоном, убирая платок в карман продолжил он: – Я бы штраф за тебя выплатил, ты б его отработал за пару лет, и – всё. Так нет! – Трость, с силой, грохнула об пол: – Ты убил своего! Члена отряда! И мне плевать, что Лиз и так всех здесь достала! Слышите? – Повернулся он к остальным: – Она, хоть и была редкостной стервой, но она была одной из

нас! Одной. Из. Нас, – повторил он, сопровождая каждое слово ударом металла трости о металл пола: – И! Это! Не! Допустимо! – Практически пролаял Зак, снова вытаскивая платок.

– Но мы не звери, – вновь вернув спокойствие голосу, продолжил он: – Хотя некоторые, – красноречивый взгляд, брошенный им на отдельные личности, заставил тех глухо заворчать и попятиться назад, прячась за спинами товарищей: – Ну да вы и сами поняли, – не стал он развивать тему, переходя к главному: – Мы – люди. И мы – чтим закон. Кто его обвиняет? – Взлетевшая в воздух трость нацелилась на Вальтера: – Говорите, или молчите, признавая его невиновность!

– Обвиняю – я! – Триз, до того стоявший за спиной Зака, шагнул вперёд и в сторону, становясь перед Вальтером и всеми остальными: – Я говорю, как Второй в отряде, – кивнул он, обозначая своё положение и бойцы, дружным ворчанием, в котором преобладали одобрительные ноты, подтвердил его право обвинять от имени всех.

– Его преступление зафиксировано камерами Станции. Но Станция, чтя Закон, считает произошедшее нашим внутренним делом и устраняется от своего участия.

– Уже легче, – не скрывая своего облегчения выдохнул Зак услышав главное – желать проблем со Станцией мог только идиот.

– Запись была обнаружена при пересменке вахтенных, – продолжил Триз: – Случайно. Заступившему было скучно,

вот он и принялся просматривать архив, надеясь найти что-то пикантное.

– Понимаю, – кивнул Зак, хорошо зная, как много всего и, порой, действительно пикантно-клубничного характера мог обнаружить вахтенный, имей на то желание.

– На записи, переданной нам, – заложив руки за спину, и покачиваясь из стороны в сторону в своей обычной манере, занудным тоном возобновил обвинения Триз: – Хорошо видно, как Вальтер совершает акт насилия по отношению к Лиз, а после, приведя её в бессознательное состояние посредством удара головы последней о переборку, покидает Шестой шлюз и открывает внешние створы, таким образом избавляясь от улик.

– Эээ… Триз, – Зак не стал скрывать своего раздражения: – Я прекрасно помню, что ты бюрократом был. Но вот без этого, – покрутил он пальцами в воздухе: – Без всех этих…занудствований, простыми словами, можешь?

– Можно. Он, – рука Второго указала на Вальтера: – Вызвал Лиз на беседу. Сюда. В Шлюз. Тут он её того, после оглушил, сам вышел и выбросил Лиз наружу.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся Зак, радуясь краткости доклада: – Ведь можешь же! Ты! – Повернувшись к Вальтеру, он поднял трость, целя ему в голову: – Обвинение опровергнуть можешь? Вдруг всё не так было и запись – монтаж, сделанный твоими врагами? А вы, с Лиз, на деле, мирно беседовали о чём-то? О рыбалке, например?

– О рыбалке нет, не беседовали, – откашлявшись и сплюнув на пол кровь, дёрнул головой Вальтер: – Запись верна, всё точно так и было.

– Защищаться будешь?

– А зачем? Вы же уже всё решили, да? Скажу одно – достала она меня, и я не жалею! Ни о чём!

– Лиз многих достала, – с задумчивым видом кивнул его словам Зак: – Но убил её – ты! А своих убивать, – погрозил он пальцем парню: – Ай-ай-ай! Не хорошо. В общем так, – вытащив из кармана коммуникатор и уронив при этом на пол платок, Зак недовольно поморщился: – Ну вот… Затянули волынку! Мне уже десять минут как Тео выгуливать надо! Эх, Вальтер… Вальтер. Что ж ты так, – вздохнув, и сопроводив вздох качанием головы, Зак вытянулся по стойке смирно, увлекая за собой остальных:

– Боец Вальтер! Я, как твой командир, принял решение. Ты проговариваешься к смерти. К такой же, на которую ты обрёк своего товарища – бойца Лиз. Ты будешь выброшен из шлюза. Решение считаю справедливым и подлежащим немедленному исполнению. Открыть шлюз!

– Всё слышали?! – Резкий окрик Триза, завершившийся по-военному чётким разворотом в сторону приговорённого, заставил замерших бойцов отряда: «Зак-Зак" вздрогнуть.

– Шлююююз! – Триз сделал паузу, набирая в грудь воздух: – АААа-аткрыть!

Секундное замешательство – сначала все благовейно внимали Заку, а после оказались оглушены воплем Триза, сменилось бурной деятельностью.

Весело переругиваясь – впереди членов отряда ждало редкое развлечение, толпа впихнула Вальтера в шлюз, а затем, разбившись на ручейки, потекла назад, на ходу делая ставки и обсуждая физическую форму осуждённого.

Подле Вальтера остались лишь двое, возившиеся с верёвкой, петлями охватывавшей талию молодого человека. Больше всего суетился небольшой и весь какой-то склизкий тип, чей позывной – "Мыло", удивительно соответствовал внешнему виду этого наёмника.

Улучив момент – второй боец отошёл к стене проверяя надёжность узла, затянутого вокруг страховочной рукояти, Мыло, бросив быстрый взгляд назад, прильнул к Вальтеру и, встав на цыпочки, быстро зашептал тому прямо в ухо, не обращая внимания на гримасу отвращения, исказившую красивое, хоть и порядком избитое, лицо.

– Ты это, Вальтер, – скашивая глаза в сторону напарника, зачастил Мыло: – Просьбочка, значит, есть. Ты это – ну, когда створы разойдутся, продержись, а? Ну хоть тридцать секунд? Я поставил на тебя, ну, значит, что ты не менее тридцати продержишься. Ага, всего-то тридцать, ну чего тебе стоит? А мне – всё прибыток. И это ещё, ну, ты глаза-то, того, закрой, зажмурь, то бишь. Ага, оно так и тебе легче – помирать, то есть, и мне – выгода. Я на тебя поставил, по-

нимаешь? И что ты тридцать щелчков продержишься, и что зенки не лопнут. Ага? И ты это, не, не думай, ну что я сволочь какая. Я это, я тебя отблагодарю, я молиться буду. Не веришь? – Отскочив прочь Мыло начал быстро и мелко креститься, торопливо выплёвывая из себя обрывочную смесь молитв и псалмов.

– Да не слушай ты его, – вернувшийся к ним второй наёмник, совсем непочтительно ухватил Мыло за ворот куртки: – Мыло, оно всегда врёт, не ведись. А то сам не знаешь, что за тип это. Пошли, – развернувшись, второй двинулся к выходу из шлюза, волоча Мыло как на буксире, что не мешало последнему продолжать бурно жестикулировать, убеждая Вальтера в непременном исполнении своих обещаний.

Громкий лязг сомкнувшихся створок, раздавшийся десятком секунд позже, подвёл итог недолгой карьере наёмника. Шорох в динамике и забранная решёткой мембрана переговорного устройства ожила, доносятся до смертника голос Зака.

– Осуждённый! Можешь помолиться, – короткая пауза и: – Но по-быстрому. Не затягивай парням развлечение.

Последнее относилось к бойцам отряда, приникшим к крупным иллюминаторам створов. Первыми, заняв самые хорошие места, стояли женщины, считавшие своим правом в деталях насладиться зрелищем смерти человека, убившего их подругу.

Пусть та и никогда не числилась в списках лучших подруг.

– Последнее желание? – Стоявший в шлюзе человек поднял вверх руку, словно желая привлечь к себе ещё больше внимания: – Имею право!

– Имеешь, – не стал спорить Зак, не испытывавший к парню никакого негатива – ему, считавшему себя стариком, приходилось делать куда как более мерзкие вещи.

– Выпивка? Сигарета? – Зак протянул руки в сторону своих бойцов и те немедленно отреагировали, подавая ему несколько початых бутылок и пару пачек сигарет.

– Нет, это вредно, – покачал головой смертник: – Жизнь укорачивает.

– В твоём случае, – хохотнул Зак, оценивая проявление юмора: – Скорее продляет. Чего тогда хочешь? Только помиловать не проси – не разочаровывай.

– Слово, – дёрнул головой в ответ тот: – Последнее слово. Приватно. Тебе.

– Думаешь вымолить пощаду?

– Нет, но мне, стоящему на грани, есть о чём тебе рассказать, – руки Вальтера, не связанные ради зрелища – это ж весело смотреть, как он будет раздирать себе горло, сложились на груди: – Впрочем, мне без разницы. Хочешь – иди сюда, хочешь открывай створы. Я – готов.

Последнее заявление, сделанное твёрдым тоном, вызвало одобряющий шёпот в толпе, мгновенно подняв ставки осуждённого на добрый десяток пунктов. А как же! С такой ре-

шимостью, он, поди, не то, чтобы тридцатник продержится, такой настрой, пожалуй, и целую минуту даст.

Зак же, покосившись на бойцов, бросавших на него острые взгляды, мысленно выматерился, не стесняя себя подбором выражений.

Идти в шлюз ему не хотелось, но…

Но вот положение командира – отчаянного, бесстрашного и прочая-прочая-прочая, обязывало, и он решился.

– Открыть! – Приказ прозвучал хрипло и Зак, выматерившись ещё раз, но уже вслух, шагнул навстречу начавшим расходиться створам.

– Ну? Чего хотел? – Остановившись в паре шагов перед Вальтером, Зак незаметно перенёс вес тела на одну ногу, готовясь ударить второй, если хоть что-то покажется подозрительным.

– Слово, Зак. Просто не хочу умирать не поделившись. – Его руки, прежде сложенные на груди, демонстративно переместились за спину: – Пойди. То, что я скажу – не для всех.

– Если ты что-то задумал, то, парень, лучше и не…

– Ты помнишь, кем я был, до того, как пришёл к вам? – Перебил его Вальтер и когда Зак кивнул, продолжил: – Помнишь. Я был оператором сканеров Спирали и, в тот день, когда корабль-лаборатория рухнул – в тот самый час, дежурил за пультом.

– И что? Какой мне прок с этого? – Пожал плечами Зак,

изображая полнейшее равнодушие, хотя в его душе уже начала свой рост волна азартного предчувствия: – Места падений модулей – известны.

– Я знаю, куда упала лаборатория Богов, Зак. Вторая. Первую, как ты знаешь, сожгли Сенаторы, будь они неладны.

– Врёшь! Одна она была – её и сожгли!

– Открой створы и забудь, – теперь наступила пора Вальтеру играть роль равнодушия и эта партия удалась ему с блеском.

Пробуравив его недобрым взглядом почти десять секунд, Зак сдался. Отойдя от него на пару шагов, он поднял вверх трость, обращаясь к остальным:

– Открылись новые обстоятельства. Казнь не отменяется, но переносится! Доставить осуждённого в мою каюту!

И, видя, что бойцы не шевелятся, зло ударил тростью по стене:

– Исполнять, олухи! Немедленно!

Вальтера, сидевшего на жёстком табурете перед рабочим столом Зака, била крупная дрожь, несмотря на плед, в который его закутал Триз.

Покачав головой – такого отходняка Зак прежде не видел, он дёрнул головой, указывая Второму на кофе машину и всего несколько минут спустя, та мелодично звякнула, давая сигнал о готовом напитке. Сразу же зарядив вторую кружку, и, заодно приготовив третью – оба офицера отряда были

редкостными кофеманами, Триз отхлебнул почти треть готового напитка и, не дожидаясь разрешения Зака, плеснул в кружку коньяка, понимая состояние Вальтера.

Временно живой – такая отметка теперь красовалась в его личном деле, благодарно закивал, держа кружку обоими руками и сделал несколько быстрых глотков, заливая в себя раскалённый, практически кипящий, напиток.

– Спасибо, господа, – негромко произнёс он заметно расслабляясь – всё же смесь кофе и коньяка была и остаётся лучшим лекарством от стресса.

– Я… – Новый глоток начал возвращать прежде белому как мел лицу, живые цвета: – Я готов продолжить обсуждение.

– Обсуждение? – Получивший своё кофе Зак тоже сделал небольшой глоток и стрельнув взглядом по пустой подушке – Теодор где-то прятался, пережидая опасные времена, нахмурился:

– А чего ты обсуждать собрался?

– Сделку, – просто ответил Вальтер, нахальство и наглость которого росли одновременно с приятным теплом, начавшим заполнять его тело: – Нашу сделку, господа.

– Ну ты… Ты даёшь! – Выдохнул, не скрывая своего восхищения Зак: – Смертник, а права качает! А, Триз? Что думаешь?

– Думаю, – пройдясь по комнате, тот остановился за спиной парня, положив руку ему на плечо и ожидая, что тот

вздрогнет от неожиданности. Увы, но подобного не произошло – Вальтер не вздрогнул и не отвёл взгляда с переносицы Зака, твёрдого взгляда, заставлявшего командира отряда «Зак-Зак» чувствовать себя неуверенно.

– Думаю, – повторил Триз, досадуя, что трюк не удался: – Что его в шлюз вернуть надо. Да и парней позвать – они всё же ставки делали – чего тянуть.

– А я вот думаю, – поставив кружку на стол, Зак откинулся на спинку своего массивного, коричневой кожи, кресла, переплетая пальцы в замок: – Что из этого молодчика вполне бы мог вырасти неплохой офицер. Жаль, конечно, – расплетя пальцы, он, не скрывая сожаления, развёл руки: – Что за борт выкинуть придётся. Жаль. Очень жаль – нам бы мог пригодиться офицер с таким характером.

– Какие условия? – Сделав очередной глоток, практически прикончивший напиток, Вальтер чуть повернулся, отыскивая Триза и, когда тот оказался в его поле зрения, протянул ему кружку:

– Повтори. – Его взгляд, игнорируя раскрывшего рот от такой наглости Второго, вернулся к Заку:

– В принципе, я – согласен. Но мне хотелось бы обсудить свои обязанности и оплату.

Сухой стук карандаша, которым командир отряда остановил готового наброситься на Вальтера Триза, заставил того замереть, ограничившись недовольным рычанием.

– В принципе, – усмехнувшись, Зак вернул Вальтеру на-

смешливый взгляд: – Ты – труп, хоть и можешь говорить, пить моё кофе, с моим же коньяком и портить воздух. Воздух здесь – тоже мой. Я за него плачу, – усмехнулся он: – ПлАчу и плачУ – цены здесь, кхм, кусачие. А ведь могу и не платить – это я про тебя. Сэкономлю. Тебя – за борт, расходы – долой. Так что, – сделав глоток кофе он кивнул Тризу: – Водички ему налей, нечего труп баловать. А ты, – следующий кивок был адресован Вальтеру: – Рассказывай. Подробно, с деталями. Послушаю – а тогда и решу, что с тобой делать.

– Как скажете, – не стал спорить тот, и, приняв стакан холодной воды, продолжил:

– Что я работал оператором здесь, – кивнул он в пространство, подразумевая Станцию: – Вы знаете. Что я дежурил в момент падения того корабля – тоже. Верно и то, что фиксация мест падений обломков, всех – и целых, ставших сейчас гнёздами механоидов, и не целых – некоторые из которых уцелевшие машины пытаются восстановить – да, это верно и известно всем. Так же, вы знаете, что некоторые гнёзда разваливались в воздухе.

– Короче, – проскрипел Триз, чувствовавший себя оскорблённым произошедшим с кружкой: – К сути давай.

– Я уже почти добрался, – улыбнулся ему Вальтер: – До сути, Триз. А она такая, – вернул он взгляд на Зака: – Когда Сенаторы грохнули гнездо, где были Золотые сосуды, я решил проверить – а не отвалилось ли что от того гнезда по дороге. Доступ к данным у меня был и уже через несколько

минут я проверял записи.

– И? Что увидел? – подался вперёд Зак: – Говори! Уцелело что?

– Да. То гнездо разделилось на две части. Не развалилось, – поднял он вверх палец, заостряя внимание на этом факте: – А именно разделилось. Большая часть была уничтожена Легионом «Носок» и Сенаторами. А вот где вторая, меньшая, успешно совершившая посадку, где она лежит – знаю только я.

– Спасибо, что рассказал – Рука Триза опустилась на плечо Вальтера: – А сейчас – вставай, в шлюз пойдём. Найти второй кусок мы и без тебя сможем.

– Это вряд ли, – дёрнув плечом, он сбросил ладонь Триза: – Я что – совсем дурак по-твоему?

– А разве нет? – Теперь Триз держал его крепко: – Только дурак будет бабу под камерами трахать и кончать. Вставай. Зак прав – ты не стоишь воздуха, которым дышишь.

– Я стёр запись, – проигнорировав его слова, Вальтер посмотрел на Зака: – Стёр, поставил сверху другой кусок, снова стёр и снова перезаписал. Там, на записи, вам концов не найти. А здесь, – подняв руку, он постучал себя по лбу: – Здесь найти можно. Ну так как, командир, – усмехнулся он, глядя прямо в глаза Зака: – Договариваться будем? Золотой сосуд ой, как дорого стоит.

Глава 2
Рутина

Полковник Семеров проводил обход.

Особой нужды в подобном мероприятии не было – с высоты обзорной площадки его хозяйство, хоть и разросшееся за последний год, было как на ладони, но полковник был верен своим принципам.

Только личный контроль и никак иначе.

Надо отметить, что люди, стекавшиеся к нему с разорённых механоидами земель, поначалу шугались такого внимания, ожидая карательных последствий – репутация у Семерова была тяжёлой. Нет, не надо думать, что окружающие считали его жестоким злодеем, или ещё кем-то, собравшим в себе массу негативных черт характера.

Строгим – да.

Беспощадно карающим за нарушение установленных им правил – да.

Шепотом, когда рядом не было никого, хоть самую малость неблагонадёжного, среди беженцев циркулировали страшилки, в которых полковник выгонял из своего поселения тунеядцев, или, скажем так, лиц, привыкших зарабатывать себе на жизнь чем угодно, но никак не честным трудом. К последним, находившимся в своеобразной группе риска, Семеров относил чиновников всех мастей, артистов, музы-

кантов, спортсменов, в общем всех тех, кого ранее именовали западным словечком «селебрити». Но не стоит думать, что Семеров просто выгонял за стену непонравившихся ему. Всем, кто стучал в ворота, или иным способом привлекал внимание охраны, давался приют, еда и… И – работа, блага последней было много. Вот тут и происходил отсев агнцев от козлищ, когда последние принимались либо увиливать от выполнения поставленных им задач, либо открыто отказываться от работ, объясняя своё решение утончённостью и нежностью натуры. Чаще всего подобное заканчивалось выдворением за стену, где нарушителю предлагалось поразмыслить над своим поведением.

Большинству хватало суток, после которого характер менялся радикально, но были и особо упёртые индивидуумы, категорически отказывавшиеся работать.

Такие личности, трепетно относившиеся к целостности своих шкурок, обосновывались снаружи стены, прекрасно понимая, что как бы полковник не свирепствовал, своих, людей, то есть, какими бы они не были, он, на растерзание машинам, не даст.

Выкопав себе землянки, они обустраивались метрах в ста от стены – ближе Семеров не позволял, где и жили, зарабатывая себе на жизнь доступными и приемлемыми для них способами. Кто-то подряжался носильщиками, сопровождая уходившие на охоту отряды, другие принялись гнать алкоголь, изобретая перегонные кубы из чего угодно кроме ме-

талла. Напитки подтянули за собой азартные игры, музыкальное сопровождение и, как же без этого – проституцию. Землянки трансформировались в шалаши, те, по мере богатства их владельцев, в избы и, к концу первого года новой эры, вокруг бывшего склада раскинулось вполне приличное поселение, получившее название «ЗС», что, будучи расшифровано полностью, означало не что иное как «За Стеной».

Сам полковник к ЗС относился равнодушно.

Понимая, что людям, зажатым им в жёсткие тиски дисциплины, требуется отдушина, он смотрел на развитие ЗС сквозь пальцы, жёстко реагируя только на появление там наркотиков, немедленно искореняя притоны и расстреливая на месте всех связанных с поставками дури.

Сам же полковник, периметра Базы старался не покидать, выбираясь за собранную из толстых брёвен стену, лишь изредка, в дни, соответствовавшие плановым, или внезапным обходам. Если расписание первых, то есть плановых, особого секрета не представляло – календарь с отметками висел в его кабинете на самом видном месте, то вот вторые – внезапные проверки, были головной болью за обитателей ЗС, заставлявших их быть практически постоянно начеку.

Но, следуя известной народной мудрости о хитром болте, том самом, на который найдётся своя, не менее хитрая гайка. Так, стоило только Семерову выбраться из Базы и двинуться в сторону ворот, как часовые, прогуливавшиеся по верху

стены, немедленно принимались подавать согласованные заранее знаки, со стороны, выглядевшие совершенно невинно.

Ну перевесил часовой винтовку с одного плеча на другое, а после, потянувшись, вернул назад – и что такого? Или же, вдруг вытащив из ножен штык-нож, примется вырезать в стене свои инициалы, бросая короткие взгляды внутрь периметра. Вариантов была масса и Семеров, первое время пытавшийся бороться с подобными оповещениями, надо заметить, что часовые щедро вознаграждались за подобное жителями ЗС, довольно быстро сдался, оставив всё как есть.

И сегодня, как вы уже могли догадаться, был именно такой – внезапно-проверочный, день.

Выбравшись на поверхность из небр горы, Семеров почти с минуту стоял в тени навеса, закрывавшего ворота Базы от непогоды. Тем кто позабыл, автор напоминает, что Семеров, высказавший непочтение в адрес Богородицы, был прямо перед Падением Земли, сослан сюда, на забытый и никому не нужный склад Стратегических Запасов, ещё в годы Советской власти пробитый в одном из отрогов Уральского хребта.

Глаза, наконец, привыкли к дневному свету и полковник, бросая короткие взгляды на неподвижные фигуры часовых, замерших наверху стены, двинулся к воротам, пересекая пустую площадку, прежде принимавшую грузовики военного

добра, определённого к длительному хранению.

Сейчас площадка была пуста, но ещё пара дней и со Станции сюда прибудет челнок, мгновенно расцветив всё пространство вокруг себя яркими палатками торговцев. Прибывшие с орбиты будут торговать всем – едой – как сухпаями, так и свежими деликатесами далёких планет, привезут они и медикаменты, модную, по галактическим меркам, одежду, оружие, патроны, броню и… Да всё что угодно – на любую потребность, если та, конечно, подкреплена звонкой монетой.

Что же до последней, то её – новую валюту, вытеснившую собой всё бывшее в хождении прежде, можно было заработать здесь же. Палатки, в цвете которых преобладали чёрные цвета, обозначавшие наличие торговых контрактов с технократами, скупали все трофеи, при условии, что те имели отношение к механоидам. Ничто иное торгашей на интересовало, будь то редкая картина, кусок золота, или ещё что, имевшие ценность прежде.

Цены, конечно, были ещё те, невысокие, но куда деваться охотнику, затрофеившему механизм последним патроном? Только сюда – к Базе, где его добычу примут на склад, где она будет ожидать Торгового Дня, выдав стандартную расписку, а самого подкормят и подлечат, но только при условии, что добытчик не числится в чёрных списках, намертво закрывавших нарушителю вход за Стену. Но и тут был выход, рож-

дённый предпринимательской жилкой особо хитрых людей.

Перекупы.

Их, в ЗС было много и все они, всеми доступными способами, заманивали в свои сети удачливых смельчаков. В ход шло всё – кредиты, страховки от неудач и обещания золотых гор, не попадавших в руки добытчиков исключительно из-за того, что их замечательные трофеи именно сегодня не соответствовали конъюнктуре рынка. Но так это – сегодня, а кто знает, что именно затребуют себе технократы завтра?! Так что, дорогой, но не особо удачливый добытчик, вот тебе символическая компенсация – как раз чтобы подкупить патронов и отдохнуть и иди, охоться дальше.

И это ещё было относительно справедливо – были среди перекупов и особо жадные до денег, не брезговали спаиванием своих потенциальных клиентов и женскими чарами, после чего добытчики просыпались не только с жутким похмельем, но и с полными карманами долговых расписок, превращавших их практически в рабов.

Что поделать – свободный рынок регулировал себя сам и даже Семеров, обладавший что на Базе, что в ЗС и окрестностях, неограниченной властью, предпочитал не лезть в это болото.

Постояв посреди площадки ещё немного – часовые продолжали сохранять неподвижность, полковник хмыкнул, не

сомневаясь, что условный сигнал уже передан, и двинулся в сторону ворот, массивные полотна которых уже принялись раскрывать дежурившие подле них бойцы.

Поселение встретило его привычным шумом жившего полной грудью города.

Музыка, говор множества голосов, громкий смех и ругательства, всё это на миг оглушило его, привыкшего к тиши подземной базы. Криво улыбнувшись – ничего иного он и не ожидал, Семеров двинулся по главной улице ЗС, которая так и не получив собственное имя, именовалась просто – Главная. Шагая по асфальту – прежде Главная была дорогой, соединявшей Базу с цивилизованным миром, полковник крутил головой, выискивая возможные нарушения. И, естественно, не находил – часовые честно отрабатывали свой бонус.

Пройдя метров тридцать, Семеров замер и по его лицу пробежала короткая улыбка – на стене здания, длинного, коробом вытянутого прочь от улицы, висело новое объявление, и оно не могло не привлечь внимание начальства.

Прежде всего – портреты.

Два небольших белых листа, с которых смотрели друг на друга Пушкин и Лермонтов. Между ними, едва не касаясь носов великих поэтов, была размещена грудная мишень, под которой был закреплён ещё один лист с коротким, написан-

ным от руки, текстом.

Текст был следующий:

"Умели бы стрелять – ещё и не такое бы написали!"

Ещё ниже было дополнение:

"Стрелковые курсы. Одно занятие – 5 т-баллов".

Усмехнувшись – подобное творчество он ценил, Семеров двинулся дальше, но стоило ему пройти чуть дальше, как небольшая группа людей, вывалившаяся из бывшего на другой стороне улицы кабака, сначала замерла, а после взорвалась восторженными пьяными воплями, приветствуя своего командира.

– Тащь полковник!

– Командиру – ура!

– Игорь Семёнович! Не побрезгуйте! – В руках Смирнова, бывшего заводилой всей кампании, появилась огромная литровая кружка, почти наполовину заполненная янтарным напитком с порядком уже истончившейся пенной шапкой: – Просим, товари-ищ, – он коротко икнул, выпуская наружу пивные пары и, чуть покачнувшись на ногах, продолжил: – Командир.

– Ну и чего ты ему суёшь, – Гайев, бывший самую малость трезвее, оттёр его плечом: – Товарищ командир, просим, – изобразив подобие поклона он попятился назад, открывая дверь, и приглашающе показывая рукой на проём, откуда немедленно вырвалась какофония громких, нетрезвых, голосов: – Ну… Просим. Хоть кружечку, а?

Сказать, что Семеров был яростным противником алкоголя было нельзя. Но и заявить, что он дружил с бутылкой, тоже бы значило погрешить против истины. Правда, как это часто бывает, лежала где-то посредине.

Да, выпивал.

Но – редко.

Сначала, до его направления сюда, на склад, не было времени на подобное. Позже, уже будучи сосланным на склад, он сознательно избегал алкоголя, прекрасно зная о судьбе своих предшественников, угодивших в эту ссылку перед ним и это действовало на него лучше любой иной кодировки, или заговора. Ну а позже, когда на Землю посыпались обломки корабля, кишащие механоидами, стало просто не до того. Прекрасно понимая, что алкогольный дурман прямой путь к гибели, полковник ввёл на Базе строжайший сухой закон, который действовал и по сей день.

Но то – База. В ЗС он отпускал вожжи, позволяя бойцам расслабляться. Что они делают, как, или чем снимают стресс – это его не интересовало. Угу. Именно так и до момента, когда тело, возвращающееся из увольнения, не пересечёт Стену. Опьянение – карцер, перегар – наряд вне очереди.

Эти правила игры знали все и все, понимая их оправданность, с ними соглашались.

Но, повторимся, только внутри Стены. За её пределами, и это тоже было правилом Семерова, все равны, нет званий

и ограничений. Совсем. Достал тебя полковник – отлови его за стеной, да и выскажи, всё, что думаешь. Последствий не будет. И это тоже, такую свободу, он декларировал, строго соблюдая её исполнение.

– Так. – Оттолкнув кружку, Семеров скользнул взглядом по лицам бойцов:

– Смирнов, Гайев, Парагоров, Ильин. Наклюкались, голубчики?

– А что такого, товарищ командир? – Ильин, чуть протрезвевший от грозного тона, тем не менее сохранял спокойствие: – Имеем право. Нам через сутки заступать. Как огурчики будем.

– Угу, – кивнул ему Семеров: – Зелёные и пупырчатые.

– Никак нет. Свеженькими будем, – помотал тот головой и кивнул на открытый проём: – Может окажете честь, командир? По кружечке? С нами?

– Не побрезгуйте, Игорь Семёнович, – вновь прорвался на переднюю линию Смирнов: – Вам, кстати, тож расслабиться не помешает. Одну всего, а?

– Одну? – Из раскрытого проёма потянуло запахом хорошо прожаренного мяса и Семеров, в желудке которого плескалось всего две кружки утреннего кофе – плотно завтракать он так и не привык, и Семеров, подчиняясь вкусным, каким-то объёмным ароматам, непроизвольно сглотнул.

– Опять командир-джан не завтракал, – возникший из пустоты Хатибеев, схватил его под руку и потащил внутри за-

ведения, на ходу выговаривая Семерову за столь небрежное отношение к питанию. Увидев его, Семеров капитулировал – Саджа считал себя ангелом-хранителем полковника, строго следя за распорядком дня своего командира, который стал для него непререкаемы авторитетом после того как полковник расправился с гнездом геометриков – забавных механоидов, чьё гнездо упало на дорогу в нескольких километрах от базы.

Вот и сейчас, волоча за собой сдавшегося полковника, Хатибеев во весь голос причитал, рассказывая как важно регулярное питание, особенно, для героя самолично уничтожившего гнездо. Просить его заткнуться было бесполезно – восхваляя своего командира Саджа ловко вплетал в историю себя, перенося на свою особу часть славы. Если верить его словам, то тот подвиг, если и не полностью, то процентов на семьдесят был совершён благодаря ему, организовавшему то мероприятие.

Нет, оспорить тот факт, что Хатибеев принимал участие в успешной вылазке, имевшей место год назад, было нельзя. В той атаке, смелость которой граничила с безумием обречённых на смерть, участвовали все бойцы Базы. Но, по разумению Семерова, ничего особо героического в ней не было.

Ну – подошли к гнезду голыми, практически голыми – в одних казённых трусах. Ну, забросали логово бутылками с коктейлем Молотова, поджигая их от припасённых и заранее подожжённых факелов. Ушли, чтобы через сутки вернуться

– когда гнездо догорело, а геометрики, лишенные питания, валялись вокруг закопченного логова дохлыми. Что здесь героического? Ровным счётом ничего. Ну а то, что технократы, лично прибывшие со Станции, уволокли и гнездо, и трофеи, отвалив почти миллион своих баллов – так он же не ради денег старался. Безопасность вверенной ему Базы, вот что двигало полковником в те дни. А что до денег, ставших основой их общего благополучия, так то приятный и заслуженный бонус, не более того.

Дальше всё было совсем просто.

Появившиеся деньги позволили ему возвести Стену и приодеть своих бойцов в самое лучшее снаряжение из числа, имевшегося у инопланетян, засевших на орбите. С деньгами пришла и слава – кроме него уничтожить гнездо смог только отряд Благоволина, все члены которого сейчас считались Сенаторами по праву силы – их персональный Легион на несколько голов превосходил наёмные отряды и был подкреплён несколькими боевыми кораблями.

Слава породила слухи, а те, распространяясь со скоростью лесного пожара, привели к нему множество людей, частью влившихся в команду, а частью осевших за стеной.

Что же до механоидов, ближайшие гнёзда которых были в четырёх-пяти десятках километров от Базы, то они так же прониклись произошедшим и не спешили отправлять свои отряды в сторону людей, силой подтвердивших своё право на жизнь. Так, в подобном ключе, рассуждал Семеров, ну а

что на самом деле думали механоиды, не знал никто.

– Ласково просим, саркора полковника, – Саджа, наконец выпустивший его руку, уже выдвигал из-за стола стул: – Садитеся пожалуйста, сейчас мало-мал кушать будем. Ещё мал-мал пить, разговор вести, – усадив Семерова он, казалось растаял в воздухе, чтобы несколькими секундами спустя, материализоваться вновь, но уже с большой, на литр, кружкой пива в руках. Гадать над тем, как он сумел так быстро ей разжиться, особо не пришлось – недовольное ворчание посетителя, чья кружка была бесцеремонно реквизирована Хатибеевым, было хорошо слышно. Но – только ворчание – среди посетителей не было идиотов, готовых бросить вызов что самому полковнику, что кому-либо из его бойцов. Да и ради чего? Кружки пива? Нет, не стоит оно того, да и новую уже наливают – к чему лишние проблемы?

– Ну, что же, товарищи, – оторвав от стола кружку, Семеров приветственно ей качнул, салютуя остальным: – Отдых вы заслужили, не смею препятствовать!

Ответом ему стал лязг сдвинутых кружек, но не успел он поставить свою на стол, как появившиеся официанты принялись расставлять перед ними глубокие тарелки, полны разнообразной снеди.

Семеров, которому хорошо зашёл первый, самый важный глоток пива, потянулся было к блюду, полному жаренными

рёбрышками, как вдруг его рука замерла на пол пути – по периметру блюда, точно так же, как и по периметру всех тарелок, тянулся рисунок – незамысловатый, выполненный серыми линиями, но, при этом, хорошо узнаваемый.

Стена.

Она, нарисованная просто и, местами, даже грубо, несла на своей спина фигурки часовых, словно пляшущих в обнимку с автоматами. Заинтересовавшись, Семеров чуть пошевелил вилкой мясо, освобождая центр и ничуть не удивился, увидев там буквы, сложившиеся в нехитрый рекламный лозунг: «Лучшее Заведение ЗС», под которым, заглавными буквами было выведено название сего, несомненно лучшего заведения: «СТЕНА». Ещё ниже, был нарисован полковничий погон и уже под ним, по краю донца, шла последняя надпись: «Одобрено полковником».

– Хм… – отодвинув блюдо прочь, Семеров глотнул пива и покрутив головой отыскал глазами бармена. Тому – заведением заведовал Толстый Мак, Мак, как можно было догадаться было сокращением от Максим, не потребовалось много времени, чтобы расшифровать упавший на него взгляд.

– Что-то не так? – Объёмистая туша Мака появилась подле их стола так быстро, что Семеров внутренне сжался, ожидая хлопка воздуха, неизбежного при пересечении телом звукового барьера: – Вам что-то не понравилось, дорогой полковник?

– Да, – вилка Семерова постучала по погону и словам ниже: – Я вот не припоминаю, чтобы…

– Ах, вы это?! – Заметно расслабившийся бармен облегчённо выдохнул: – А вам что? – В его голосе прорезались тревожные нотки: – Что-то не нравится? Пиво – вчера только сварили, мясо, – прижмурившись, Мак вытянул губы трубочкой и причмокнул: – Утром добыли. Поросёночка взяли. Не молочного, но вполне юного. Помните? Тут, до всего этого безобразия, – Мак пошевелил пальцами, замысловатым движением обозначая безобразия: – Ферма была. Со свинками. Совсем рядом – в двух десятках ка-мэ. Металл, механоиды проклятые, забрали, народишко – кто смог, разбежался. Ну а свинки свободными стали. Вот мы на них и охотимся. Так что, господин полковник, – его тон вновь наполнился тревогой: – Неужто хрящички не пошли?

– Ну почему не пошли? – Не стал кривить душой Семеров: – И мясо, и пиво – всё отличное. Но я…

– А раз отличное, – снова перебил его толстяк, принимая вид оскорблённой невинности, надо заметить – весьма искусно принимая: – То почему вы? Вы, о полковник?! Не одобряете?! – Последнее было произнесено так искренне, с таким надрывом в голосе, что Семерову стало по-настоящему стыдно. И вправду – ну чего прицепился-то? Пиво отличное, мясо – замечательное, ну а что написали, так сам же разрешил полную свободу. Вон – на тире, вообще Пушкин с Лермонтовым.

– Завянь, Мак, – Гайев, в руке которого был зажат тот самый хрящик, оборвал бармена самым непочтительным тоном: – Знаем-помним. Ну был ты актёром местного академического – сейчас-то ты что выёживаешься?

– Актёром? – Чувство стыда и раскаяния, накатившее было на Семерова, быстро откатилось прочь: – Вы были актёром?

– Да-с, был-с, – неожиданно для своей крупной фигуры, бармен сложился в поклоне: – Блистал-с. На бис, выходил-с, – проговаривая всё это он неуловимо переменился и теперь напротив полковника стоял не уязвленная в самое сердце, жертва, а типичный лакей, преданно и робко заглядывавший важному господину в глаза.

– Ну ты даёшь, – не отличавшийся артистизмом полковник покачал головой: – Круто! Я так перевоплощаться не умею.

– А вам и не надо, – выпрямившись и разом стерев все эмоции с лица, тихо и грустно усмехнулся бывший актёр: – Вы – полковник, а я всего лишь бармен пост…пост… Эхх… Нового мира. Вы герой – зачем вам такое?

– Не скажи, брат, – теперь пришла очередь грустно усмехаться Семерову: – Знаешь, вот лизнул бы в нужный момент – и не было б меня здесь. Так я нет – попёр прямо, – сделав небольшой глоток, он продолжил: – И вот – сижу здесь.

– Что бог, или боги не делает, – покачал головой Мак: – То всё к лучшему. Кто знает – что с вами там, – мотнул

он головой куда-то в сторону: – Было бы. И кстати, – продолжил он более весёлым тоном: – У нас сегодня новый номер в шоу. Замор-р-р-рский! Пр-р-р-р-роповедник! – Провозгласил он, как рефери на ринге, одновременно указывая рукой на небольшую сцену, где карабкался на высокий стул тощий господин, замотанный по самые глаза в тяжёлую чёрную ткань.

Свободу совести полковник так же не ограничивал, видя в ней очередную отдушину для людей, жизнь которых претерпела резкие изменения.

Каждый волен верить во что хочет! – Провозглашал один из пунктов правил, его правил, вырезанных на доске подле ворот. И это, действительно было так. Не нарушай остальные заповеди – и верь во что хочешь. Таково было официальное решение, но никто не знал, что под ним, известное только полковнику, было и иное основание.

Семерову было любопытно и это чувство проистекало от его давнишнего, ещё прошлой жизни, желания – узнать, а узнав, понять суть Веры, зачастую двигавшей людей на поистине невероятные свершения.

И когда, если не сейчас, попробовать начать всё с чистого листа? Именно сейчас, когда институты религий пали, посмотреть – на практике, какая из вер – "круче", предоставляя людям полную свободу?

Результат, или результаты, были интересны.

Так, возродившиеся первыми старые, главенствовавшие до катастрофы, религии – те самые – христианство, ислам, буддизм, иудаизм – первыми и пали, когда выжившие жрецы этих, прежде общепринятых, конфессий, не смогли удержать свою паству, пытаясь играть по прежним правилам, обманув ожидания желавших нового утешения, людей.

Люди, скоро переставшие ходить на проповеди, качнулись, вначале, в язычество, вернее будет сказать – в неоязычество, возрождённое выжившими энтузиастам – ревнителями древних-правильных-и-чистых времён. Увы, но и это течение быстро выдохлось.

Причина была проста – новоявленные волхвы, наряженные в раскрашенные ритуальными и сакральными символами балахоны, повторили ошибки своих предшественников, так и не сумев родить новую идею. Банально переделав священные тексты на новый лад и стилистику, зачастую просто меняя имена старых святых на псевдо-языческие, они попытались начать грести под себя блага верующих, но те, быстро послали очередных вымогателей подальше, обходя стороной и новую священную рощу, и новых идолов, принявшихся благополучно гнить в отсутствии молебнов и жертв.

Винить что первых, что вторых было бессмысленно – все эти святые отцы и их новоявленные последователи просто не умели иначе, за тысячелетия своих культов накрепко привыкнув сладко есть и пить в обмен на пространные, зачастую непонятные простым людям славословия в адрес таких же

мутных и морально устаревших, святых.

А вот следующая религия доставила полковнику немало веселья. Он даже сожалел, что это направление умерло быстрее прочих, прихватив с собой всех жрецов и адептов – последних, из числа наиболее рьяных.

Речь шла о культе Механоидов, которым полагалось возносить жертвы металлом и, взамен, молить о милостях, передавая свои мольбы двоичным кодом.

Инструментом передачи были избраны фонарики и первая служба, проводимая жрецами в сумерках, впечатляла. Стоявшие в две шеренги жрецы – первая на коленях, вторая – согнувшись в поясном поклоне, слаженно моргали фонариками, посылая вспышки в сторону ближайшего гнезда, бывшего, как вы уже знаете, в полусотни километрах от ЗС. По мнению Семерова, всё это было бредом, ну как механоиды увидят, или учуют подобное? Но жрецы, сигналили до тех пор, пока старший, увенчанный тиарой из кусков корпусов машин, не заорал, что ему было видение, и видение то – благое!

На второе мероприятие, которое должно было произойти сразу за границей Красной зоны, Семеров не пошёл, ожидая крупных неприятностей для этих верующих. Так, собственно, и произошло – стоило только жрецам сложить внутри зоны пирамиду жертвенного металла, как объявившиеся механоиды, принялись издали следить за людьми. Машины не

торопились – зная о том, что одно из их гнёзд было уничтожено этими созданиями, они долго сканировали адептов и жрецов, пытаясь оценить степень угрозы. Анализ закончился ровно в тот момент, когда жрецы, в разноголосье затянувшие священный гимн, надо отметить, что их песнопения не были копией псалмов и гимнов предыдущих культов, а оказались чем-то новым, так вот, нестройный хор затянул молитву, спины согнулись, фонарики – заморгали, и…

Но то ли код был неверен, то ли лучи света были расценены как некое оружие, в общем, финал был скор и кровав. Бросившиеся в атаку машины в мгновение ока разорвали всех бывших внутри зоны, а после, разобрав жертвенную пирамиду, скрылись в гнезде, оставив для контроля пару механоидов. Из всей паствы уцелел только один человек, но как он не пытался возродить культ, доказывая, что теперь-то он всё знает и что он – избранный, которому подчинятся механизмы, никто его не слушал, беззлобно посылая подальше.

В сухом остатке, на текущий день, в ЗС царила полная религиозная анархия, если подобный термин можно отнести к религии. Кто хотел, тот мог зайти в молитвенный дом, готовый утешить верующего совершенно любой конфессии – помолиться, поставить свечку, помедитировать – не бесплатно, разумеется. Особо верующие могли даже исповедоваться, причесться, купить индульгенцию, принести жертву и заказать службу – любую, хоть торжественную, хоть заупокой-

ную. Сказать, что подвязавшиеся на этот поприще святые отцы благоденствовали – нельзя, но не голодали – точно.

А вот сейчас – новый культ.

Поёрзавший на стуле полковник глотнул пива и, закинув в рот несколько солёных орешков, откинулся на спинке, ожидая начала нового шоу.

И, оно началось. Мак, выждавший нужный момент – чем он руководствовался оставим на совести бывшего актёра, постучал ножом по пустой пивной кружке и, предвосхищая удивлённые выкрики, молча указа на сцену с застывшей на высоком табурете, фигурой.

Та, несомненно, ожидавшая подобного, мгновенно ожила и, соскочив на пол вскинула вверх руки, приветствуя собравшихся:

– Здравствуйте, дорогие мои! Здравствуйте, говорю я вам! И ещё раз – здравствуйте! – Проповедник, на выкрики которого публика ответила сдержанным молчанием, согнулся в поясном поклоне, но, всего на пару секунд. Быстро распрямившись – полы его чёрного одеяния громко хлопнули, он продолжил:

– Пришёл я к вам – издалека! Долго я шёл! – В его руках появился длинный посох, и жрец весьма узнаваемо изобразил, как он шёл – поначалу, будучи полным сил, высоко поднимая, а после едва волоча ноги и опираясь всем телом на посох.

– И не только шёл – плыл! – Теперь, отбросив палку на пол, жрец принялся размахивать руками изображая широкие гребки и громко отфыркиваясь при каждом движении.

– Фуух, – вытерев пот он вздохнул: – Да, народ… Океан переплыть – это вам не кружку пива, того, – задрав подбородок, он пощелкал себя по горлу и зал ответил сдержанными смешками.

– А ещё – леса! А в них… Механоиды! Ай! – Громко, словно испытав страх, проповедник метнулся за табурет, где и скорчился, опасливо поводя головой из стороны в сторону и выпучив глаза.

Смешки разрослись в откровенный хохот, перемежаемый советами по его укрытию и опасениями за физиологию кишечника.

– Но – всё это в прошлом, – выскочив из-за своего укрытия, он ловко пнул палку и та, описав красивую дугу, словно живая прыгнула ему в руки: – Я здесь, с вами и молю вас только об одном – выслушайте меня! – Последние слова были сопровождены таким яростным полётом шеста, что тот, превратившись в непроницаемый полог, скрыл за собой фигуру проповедника, наполнив зал кабака тишиной и тихим посвистом рассекаемого палкой воздуха.

Но не долго тишине удалось погосподствовать в помещении – короткий стук ударившей в пол палки и пелена, скрывавшая чужестранца, распалась, являя зрителям замершую на коленях фигуру, одна рука которой была вытянута вперёд,

словно в мольбе, а во второй дрожал, медленно успокаиваясь от бешеного танца, длинный, сверкавший серебром, шест.

Монополия тишины, обрадованной отсутствием конкурента – замершая фигура обратилась в статую, продержалась секунд двадцать – ровно до того момента, как кто-то из зрителей, окаменевший, как и проповедник, не очнулся, и, с громким стуком, опустил кружку на стол.

В следующий миг зал взорвался!

Аплодисменты, восторженные вопли, рёв, стук кружек о столы – дикая какофония восторга соскучившихся по подобному шоу людей, прекратилась, стоило проповеднику пошевелиться.

– Спасибо! Вы – лучшие! – Вскинув вверх свой посох и только чудом не ударив его концом в потолок, человек в чёрном несколько раз поклонился залу, а после, попятившись назад, ловко запрыгнул на стул, так и продолжая смотреть на публику.

Этот трюк был так же по достоинству оценён зрителями, немедленно наполнившими зал аплодисментами.

– Ваша благодарность – бесценна, – крутанувшийся вокруг стула посох, замер рядом с проповедником, вытянувшись вертикально и чудесным образом сохраняя равновесие в этом, крайне неустойчивом, положении. Это чудо зал встретил удивлёнными вздохами и очередными аплодисментами. Людей можно было понять – всё, что местная сце-

на предлагала им ранее исчерпывалось либо выступлениями музыкантов, мелодии которых уже основательно приелись, либо танцами местных красоток, чья стать и прелести, обнажаемые под всё ту же, набившую оскомину музыку, так же не вызывали ажиотажа.

А тут – фокусник! Да ещё какой! Не просто карточный шулер – подобных в ЗС было с избытком, а настоящий волшебник, в равной степени являющийся и жонглёром, и комиком.

– И я расцениваю ваши аплодисменты, – проповедник повёл рукой устанавливая тишину: – Как разрешение вашему покорному слуге, только что усладившему ваши зрение, дать пищу ушам, – сделал он короткую паузу: – И разуму. – Ещё одна пауза, самую малость более продолжительная, чем предыдущая.

– Весь это долгий путь – да-да, тот самый, богатый пешими прогулками и заплывами, – не вставая с места он забавно подрыгал ногами и помахал руками: – Я проделал с единственной целью. Единственной… – Соскочив со стула, шест так и остался стоять на прежнем месте, человек, словно в задумчивости, прошёлся по сцене взад-вперёд: – Вот ведь слово какое… – Словно сам с собой произнёс он: – Вроде и простое, а как много значений? Единственная цель, единственный удачный выстрел, единственная жизнь, единственная мать и один, самый верный и единственный друг. Тот самый, что готов немедленно рискнуть своей жизнью – по-

вторюсь – единственной, ради тебя, – короткая пауза и бледная рука, выскочившая из широкого рукава, описала в воздухе окружность, охватывая зал: – Ради тебя – тоже единственного. И вот – вас двое. Два друга против всего мира. Но ведь лучше – лучше же будет, когда вас больше? Да? Трое, четверо – и все вы, вот вы, – он снова указал в зал, не обращаясь ни к кому конкретно, но так, что каждый из присутствующих, понял, что речь идёт именно о нём: – Вы, объединённые единственной целью, вершите деяния, шаг за шагом пробираясь к вершине. Вы – едины. Вы – спаяны вместе. Это – единство. И с ним я пришёл к вам. Единство, – подняв руки вверх, он сплёл пальцы в замок: – Это всё. Начало всего сущего – сама эволюция шла этим путём, объединяя разрозненные клетки в сложную структуру. Начало – и конец, альфа и омега. Вы спросите, – резко развернувшись к залу, проповедник выбросил вперёд руку, вызвав несколько вскриков своим неожиданным жестом: – Ладно, с началом понятно. А конец? Он каким боком? Спрашиваете? – Внимательно слушавшая его публика ответила сдержанным ворчанием, и он продолжил: – А я – отвечу! Вот мой пример и ответ! Чёрная дыра! Она – объединяет всё и всех! Вот! От простейших клеток, до гигантских структур! И то, о чём я говорю – учение Единства, объединяет малое с большим. Вы, – рука снова мазнула по залу: – Малая часть. Но вот вас коснулось Единство, вот вы приняли его – и всё! Вы не одни! Единое, могучее учение, пронизывающее всё сущее! Оно…

Семеров слушал проповедника в пол уха.

Ему, воспитанному на учении Марксизма-Ленинизма, пусть и уже порядком подзабытом, любая религия представлялась одним из рычагов власти, позволяющих единицам управлять массами. Считая себя военным – причём профессиональным, он крайне скептически относился к подобным институтам, стараясь избегать как священнослужителей, так и своих коллег, резко и бесповоротно отринувших прежние учения, ради выгод, даруемых новыми веяниями.

Но сейчас полковник ловил себя на мысли, что он полон внимания к словам фигляра на сцене. Особенно его зацепила последняя фраза – та самая, про единое и могучее. Мысленно повторив её, он вдруг почувствовал, как поднимаются из глубин памяти воспоминания, казалось бы, совершенно стёртые прошедшими годами.

В лицо пахнуло свежим ветром, впереди, в нескольких шагах перед строем, в котором застыли молодые курсанты, заплескалось на ветру, громко хлопая, алое полотнище, а откуда-то сверху, из невидимой выси, на него обрушились слова гимна. Того самого – старого и переиначенного новой властью.

– «Единый могучий Советский Союз!»

Видение, бывшее таким живым, оборвалось внезапно, оставив в голове какую-то звенящую пустоту и Семеров даже потряс ей, пытаясь выбросить вон отголосок той, прежней и ушедшей жизни.

– Что-то вы загрустили, товарищ командир, – сидевший рядом с ним Смирнов, покачал головой, одновременно пододвигая ему новую, полную почти до краёв кружку:

– А вы знаете, что грустить нельзя?

– Это почему? – Будь полковник в другом состоянии, он бы непременно заметил бы ехидный огонёк в глазах своего бойца, но сейчас, ещё не выбравшись из своих воспоминаний, он не обратил на подобное никакого внимания.

– Грустным быть никак нельзя! Особенно нам, – покачал кружкой тот: – Ну, тем, кто выпивает. Механоид новый появился – белочка. Не слыхали?

– Новый? Белочка? – Семеров быстро перебрал в памяти известные типы машин, удостоившиеся собственных имён. Кабан? Бьющий цели таранным ударом острой головы, Горыныч – рудный комплекс с тремя экскаваторными ковшами на гибких шеях, Гидра и её меньшая копия – Горгона – летающие сферы, окутанные бесчисленным множеством излучателей на вертящихся во все стороны гибких шнурах. Нет. Белочки в его списке не было, и он вопросительно посмотрел на Смирнова, ожидая более подробного рассказа.

– Странно, что не слышали, – опустив глаза, чтобы не выдать себя их блеском, боец продолжил: – Белочка – механоид со сбитой программой. Он на подготовке к зиме зациклен. Роет норы и туда добычу складывает – ну, металлолом всякий, вещи тёплые, а прежде всего – бухло и патроны.

– Погоди, погоди, – запротестовал полковник, в голове

которого образовалась совершеннейшая каша: – Какие, на хрен, тёплые вещи?! Бухлишко? Патроны? Откуда?!

– А это всё, – приподнял кружку Смирнов: – Механоид у грустных алкашей отбирает. Так что, товарищ командир, давайте выпьем и повеселимся – чтобы и к нам белочка не пришла!

– Ну вы даёте! Ведь развели! Как мальчишку подловили! – Семеров, весело рассмеявшись шутке, приподнял кружку салютуя остальным, и уже хотел сделать глоток, как звонкий хлопок, раздавшийся от сцены, заставил его замереть и медленно повернуть голову в сторону проповедника.

Проповедник, скорчившийся на самом краю сцены, являл собой образ скорби, сошедшей сюда прямо с полотен величайших мастеров прошлого.

Стоя на коленях и всем телом раскачиваясь из стороны в сторону, он безжалостно отвешивал себе оплеухи и бил он себя на наиграно, а совсем по-настоящему. Звонкие удары, дергавшаяся от них голова, всё это свидетельствовало о серьёзности его намерений.

Самоистязание длилось почти десяток секунд, прежде чем в зале родился недовольный ропот, перемежаемый окриками с требованиями немедленно прекратить это действо. Самоистязатель подчинился им только тогда, когда сразу несколько человек, вскочив со своих мест и гневно потрясая в воздухе кулаками, двинулись к сцене, на ходу обещая

всыпать мазохисту по первое число, если тот немедленно не объяснится. И, надо, отметить, их решительность дала желаемый всеми результат.

Проповедник, дернув головой в последний раз, протянул руку за спину и шест, всё это время смирно стоявший подле высокого стула, ожил, прыгнув прямо в раскрытую ладонь.

Охая, постанывая и тряся головой, он принялся вставать, цепляясь обеими руками за палку, как древний старик. Почти выпрямившись, спина так и осталась согнутой, он повёл рукой в сторону зала и люди, прежде во всю глотку выражавшие своё недовольство, мигом успокоились, быстро возвращаясь на свои места, ожидая продолжения шоу.

– Я – виновен, – дёрнул головой проповедник: – Ничтожный слуга, стоящий перед вами, был настолько околдован вашим вниманием, друзья, что напрочь позабыл о приличиях. Да, именно так! Я, недостойный стоять здесь, даже не представился, растворившись в волнах внимания, благосклонно дарованных вами мне. Простите своего глупого слугу. – Короткая пауза, которую он сделал чтобы набрать в грудь порцию воздуха, мгновенно заполнилась выкриками, в основном подтверждавших немедленное прощение и несколькими угрозами таки проучить гостя, если он и дальше будет вести себя подобным образом.

– Моё имя, – поведя рукой человек в чёрном вернул тишину в зал: – Бредущий-со-Светом, но что такое имя? Всего лишь звук, не более того. А моё, вдобавок, – он сокрушённо

покачал головой: – Ещё и длинное. Как начнёшь выговаривать, так не то что уснуть, уснуть не страшно – пока до конца доберёшься, вполне можно механоиду на зуб попасть. Сами же знаете, насколько эти железки проворны. А потому – Бре. Зовите меня так и не тратьте время на долгие словеса. Они только сотрясают воздух, бесследно исчезая мгновения спустя. Дела – вот, что остаётся! Действия, свершения, движение! Только это оставляет след! А сейчас – внимание! Я открою вам первую истину своего учения! – Подняв обе руки вверх, шест снова вертикально застыл, проповедник, выдержав паузу – она показалась всем крайне длинной, продолжил громким и хорошо поставленным голосом, разительно отличавшегося от его тона прежде:

– Помните! Единство – пронизывает всё! И – главное! Единство проистекает от действий. – Ещё одна пауза и руки, начавшие опускаться. Друг замерли на пол пути, нацеливаясь на кого-то в зале. – Например, – покрутивший головой Семеров, к своему удивлению обнаружил, что нацелены они прямо и только на него:

– Действий! Например таких, которые произвёл наш добрый хозяин – полковник Семеров. Да друзья! Подняв вверх шест, Бре крутанул им над головой: – Кто, как не он уничтожил гнездо, позволив вам безбоязненно жить здесь? Подумайте – ведь это благодаря ему, нашему полковнику, мы объединены? И и славном Зэ-эС, и здесь, в чудесном заведении, именуемом Стена. Так?

– Верно! – Загалдели люди, словно только сейчас осознав вклад Семерова в их жизнь.

– Точняк!

– Полковнику- Ура!

– Урааа!

– И разве могу я, – отвесил поясной поклон Семерову проповедник: – О чем-либо рассуждать, здесь не имея его разрешения?! И не спорьте, – пресёк он начавший зарождаться шум, требовавший от Бре продолжать, наплевав на мнение полковника: – Наш господин мудр, – спрыгнув со сцены, Бре сделал несколько шагов и замер прямо перед Семеровым: – И я уверен, что он примет решение основываясь на всеобщем благе. Благе для всех – и вас, и, – проповедник глубоко поклонился: – И Единства, пронизывающего всё в этой вселенной.

Глава 3
Поход

Промасленная картонная коробка была почти пуста – лишь у дальней стенки сиротливо жались друг к другу последние банки тушёнки. Их оставалось всего четыре и Екатерина, сдержав вздох, закрыла крышку, ставя поверх короба ещё один, когда-то до краёв забитый плотными пачками лапши быстрого приготовления. Ежедневный пересчёт оставшихся запасов был для неё чем-то навроде ритуала – оглядывая консервы взглядом она, на краткие мгновения, предавалась воспоминаниям и перед её внутренним взглядом возрождались картины прошлого, такого лёгкого и беззаботного.

Припасы им собирал отец – ещё тогда, в той другой реальности, отсечённой от настоящего вспышкой в небесах. Это он настоял, чтобы они трое – мать, брат и она, сестра и младший ребёнок в семье, захватили с собой эти, тогда, год назад, казавшиеся совершенно излишними, припасы.

– Всё одно – на машине поедите, – стоял он на своём: – Самим не понадобится, собаке скормите, – следовал кивок на щенка финского шпица, крутившегося вокруг ног споривших родителей. Айка, так звали щенка, был его подарком дочери, заканчивавшей девятый класс и готовящейся к по-

ступлению в техникум.

– Мы на пару недель всего едем, – не уступала ему мать, которой очень не хотелось выглядеть посмешищем в глазах своих старых подруг – короткий отдых было провести в небольшом провинциальном городке, откуда она была родом: – Ну ты чего? Что люди подумают, когда мы, приехав всего на две недели, такую гору продуктов вытащим?!

Но отец был непреклонен и мать, не продолжая ворчать, сдалась.

Да, тогда – чуть более года назад, подобное казалось бредом.

Ну что могло случиться?! Будущее, наполненное светом любви Богородицы, казалось таким светлым и безмятежным, что подобное отдавало если и не паранойей, то, как минимум, бредом.

А затем, за один день, всё переменилось.

Вспышка в небе, волна тошноты, и оседающая на землю, уже мёртвой, мать. В тот день, она оказалась одной из многих, поспешно похороненных горсткой выживших. Брат рыдал, стоя на коленях у общей могилы, а она… У неё в душе просто стало пусто – словно что-то большое, тёплое и надёжное, просто ушло прочь, оставив вместо себя пустое, залитое холодом пространство.

Что стало с отцом она не знала и до последнего не принимала, не слушала новости, приносимые беженцами из столицы, превращённой спустившимися с неба механоидами, в

огромную груду щебня. Целыми днями просиживая у окна она высматривала в беженцах знакомую фигуру, ожидая что та, усталая, оборванная и израненная, отвернёт от общего потока, направляясь к их дому.

Но чуда, так и не произошло – поток людей истончился, а отец, тот самый – первый и главный мужчина её жизни, так и не появился, чтобы встать на защиту своих детей.

Все напасти, обрушившиеся на мир, обошли стороной их городок – объятые пламенем обломки рушились в отдалении, а ужасные машины, питавшиеся живыми людьми – так, по крайней мере выходило по словам беглецов, не появлялись даже на горизонте.

Но жизнь, начавшая было налаживаться, подкосила иная проблема.

Попы.

Екатерина, воспитанная в совсем не религиозной семье, всегда относилась равнодушно к закутанным в длиннополые одеяния, бородачам. Они хотят молиться своему богу? Да ради его самого, бога их, то есть. Ко мне только не лезьте – и делайте, что хотите. Хоть лбы себе порасшибайте, отбивая усердные поклоны.

Вот только теперь, после произошедшей катастрофы, они и полезли.

Сперва – робко.

Стучась в двери, святые отцы, сменившие кресты, на об-

разки с Богородицей, поначалу и вправду стремились помочь людям – кому продуктами из своих запасов, кому свечами – электричество, как и все прочие блага цивилизации, пропало сразу после произошедшего, а кому и словами утешения, не хуже, а порой и лучше, чем профессиональные психологи, врачуя душевные раны.

Но постепенно, медленно обретая силу над потрясёнными и потерявшими ориентиры, людьми, их риторика начала меняться.

Теперь они не просили – требовали!

Требовали молитв, сгоняя людей на общие бдения.

Требовали работ – направляя мужчин на заготовку дров, а женщин на огороды.

Требовали верного поведения, заставляя отбивать поклоны, требовали правильно одеваться – запрещая яркие расцветки и требовали, требовали, требовали.

Тех же, кто решался протестовать, не соглашаясь жить по их правилам, ждало суровое наказание. Обзаведясь силовой поддержкой – нашлись среди выживших крепкие парни и мужчины, готовые работать кулаками и дубинками за особо крупный паёк, жрецы новой веры натравливали их на любого инакомыслящего, гася сопротивление в зародыше. Ну а учитывая то, что в ряды еретиков угодить было даже слишком легко – бывшие попы жёстко карали даже за недостаточно, по их мнению, глубокий поклон, то редкий день обходился без показательной порки, или прогона сквозь строй.

Но что более всего раздражало Екатерину, так это покорность, с которой большинство приняло новую власть. Выжившие словно сломались, когда произошла та беда. Свободно критиковавшие власть и готовые отстаивать своё мнение люди, теперь разве что шепотом, опасливо оглядываясь по сторонам, рисковали обсуждать последние новости и моментально смолкали, стоило только на горизонте появиться жрецу, или, вооружённому дубинкой, служке.

В дверь постучали и девушка, отбросив прочь невесёлые мысли, посветлела лицом – три частых удара и два чуть позже – то был брат, вернувшийся с обязательных работ. В принципе, в таком стуке – так прежде звонил в дверь их отец – один длинный и два коротких звонка, в таком сигнале необходимости не было – её щенок, сопровождавший Анатолия на работы, уже нетерпеливо потявкивал с другой стороны двери, царапая лапами полотно.

– Загоняли просто, – пройдя на кухню, брат тяжело опустился на стул, прежде выложив на стол пол буханки чёрного хлеба и небольшую баночку консервов.

– Сегодня опять паёк урезали, – продолжая копаться в сумке, сообщил он неприятную новость: – Святые старцы говорят, что запасы до сбора урожая тянуть надо. Ну а как соберём, то… Ага… вот она где! – В его руке появилась банка редких по нынешним временам консервов – рыбных, с печенью трески судя по этикетке.

– Это тебе Отче Фаммий просил передать. Говорит, что мол непорядок, когда такая девушка голодом себя морит. Он очень просил передать, – поставив банку на стол, Толя отвёл глаза в сторону, словно желая по подробнее разглядеть узор кафельной плитки: – Что не исповедовалась ты давно. И что он готов стать твоим духовным пастырем.

– Перебьётся! – Катю передёрнуло, когда перед её глазами предстала жирная, густо, по глаза заросшая неровной бородой, туша попа.

– Вернёшь завтра, – пододвинула она пальцем банку к краю стола.

– А толку? – Вздохнув, Анатолий отщипнул от буханки: – Всё одно заставит – вся сила у них, – он снова вздохнул: – И еда.

Последнее, как это не было печально, было правдой.

Как, каким образом все городские запасы оказались в церковных подвалах, не знал никто, а стоить догадки и, тем более их озвучивать было чревато, да и некому было этим заниматься. Поначалу, когда жрецы, зарабатывая авторитет, были мягки, людям было не до того – горечь утрат затмевало все прочие чувства, а после… А после появились дубинки и крепкие, сытые парни, были готовы вбить непочтительный вопрос назад в глотку любого, осмелившегося на подобное.

– Ты только о брюхе и думаешь! – Зло бросила она брату и, вытащив из коробки пачку доширака, сунула её ему в руки: – Грызи! Или, – Катя мотнула головой в сторону площади, где

на кострах кипели котлы с водой: – За кипятком прогуляйся.

– Я ж только с работы. Мне бы отдохнуть, – заныл брат, которому совсем не улыбалось вылезать на улицу: – Ты дома сидела – вот и сходи, разомнись.

– И схожу! – Решение, давно зревшее в ней, наконец прорвалось наружу:

– Ухожу. Сил моих больше здесь быть нет!

– Уходишь? – Рука Анатолия, отщипнувшая очередной кусок мякиша, замерла в воздухе: – К попам что ли?

Как Катя не отвесила ему оплеуху, что удержало её руку, этого она и сама на поняла. Резко выдохнув и развернувшись на месте, она шагнула прочь из кухни, на миг задержавшись на пороге.

– Дурак! Из города ухожу. Совсем.

– И куда пойдешь? – Вопрос брата застал её, когда рюкзачок был почти полон. Анатолий стоял, привалившись к проёму двери и неспешно перемешивая ложкой содержимое банки с тушёнкой.

– Твоя, с хлебом на столе, – кивнул он ей, заметив, как сестра сглотнула наполнившую рот слюну:

– Так куда собралась? Здесь хоть как-то, но можно жить. Меня, вон, – он обмакнул хлебную корку в мясное месиво: – В служки зовут. А там кормят куда как лучше. Оставайся, я тем пайком нас обоих прокормить смогу.

– И тебе не противно будет? – Подойдя к застеклённо-

му шкафу, Екатерина, приоткрыв створку, сняла с полки выцветшую фотографию родителей. Фото было сделано здесь же, в городке, года за два до рождения брата. Обнимавшие друг друга родители, молодые и полные сил, весело улыбаясь, уверенно смотря в будущее, оказавшееся таким…

Почувствовав, как на глаза накатываются слёзы, девушка коснулась пальцами своих губ, а затем перенесла поцелуй матери и отцу.

– Противно, – наблюдавший за ней брат нахмурился: – А что делать? Не за малую же пайку лес валить?

– Ну так в чём дело? – Вложив фотографию в блокнот с рисунками – рисовать её научила мать, получившая художественное образование, девушка повернулась к Анатолию: – Иди. Бери дубинку и лижи задницу Фаммию. Уверен – он и мальчиком не побрезгует!

– Кать!

– Отстань! – Отодвинув его плечом, она протиснулась на кухню: – Половину консервов я заберу, – закинув в рюкзачок две банки, она вытащила все оставшиеся пачки доширака из второй коробки и отправила их вслед за консервами: – Дошик – тоже. Ты и пайком, – хмыкнула она: – Усиленным.

– Ты что? Серьёзно? – Насухо вытерев банку коркой, Анатолий, присев на корточки, протянул её Айке и та, мгновенно потеряв интерес к коробкам, подскочила к нему весело виляя колечком хвоста.

– И куда пойдёшь? – Посмотрел он на неё снизу-вверх,

одновременно гладя и почёсывая рыжую собачью спинку: – А, Кать?

– Тебе-то, служка, какой резон?

– А такой! – Поднявшись на ноги, он развернулся в сторону комнаты: – Жди! Вместе пойдём. Меня всё это тоже достало! И это, – как и она, замер он на пороге кухоньки: – Жратву всю забирай. И рыбную, – последовал кивок на банку печени: – Тоже.

Из городка они выбрались когда Солнце уже клонилось к закату, а добрые и верные новому учению жители, коротали время ожиданием сигнала, созывавшего всех на вечернее моление.

Явка на этом мероприятии обязательной не была, но, это официально. Реально же, служки, бывшие, казалось везде, вели строгий учёт уклонившихся, записывая неявившихся, чтобы после, по завершении утренней молитвы, направить таких на наиболее тяжёлые работы.

Ага, именно так, и именно ради очищения души от пагубных мыслей, нашептанных злодеями, посягнувшими на Святую Жизнь.

Но пока – улицы были пусты и парочка уже почти вышла за пределы городка, когда одна из калиток, мимо которой они шли, громко скрипнула, выпуская из-за добротного забора, сколоченного из толстых досок, невысокую фигуру мо-

лодого человека.

– О! – Подбежавший к ним парень был знаком, что Катерине, что Анатолию: – Привет-привет! И куда это вы? Сейчас же сигнал будет? Вы что – пропустить молебен решили? А сегодня старец Акакий, – кулак молодого человека завис над сердцем, а после метнулся вверх, где на секунду замер-как, едва не касаясь лба. Это был новый жест, или символ веры, пришедший на смену прежнему крестообразному движению руки. Изобретённый кем-то из попов, прошу прощения – ныне Святых Старцев, он знаменовал собой торжество любви над разумом, или сердца над головой, прямо говоря о вреде наличия излишних мыслей.

– Он как раз про путь спасения говорить будет, – Петр, так звали парня, торопливо закивал: – И вот ещё, – оглянувшись по сторонам и вжав голову в плечи, продолжил он едва слышным шёпотом: – Мне сказали… Но – тссс… Секрет это. Вот. Сказали, что те, кого Старец приметит, тем особый паёк давать будут. Зимой. А зима, – он быстро огляделся по сторонам: – Она – близко! Так в окружении Акакия говорят, – отодвинувшись, он повторил священный жест: – Вот я и спешу – чтобы в первом ряду оказаться. Кхм, – кашлянув, он отодвинулся и продолжил уже обычным, также немного более громким, чем обычно, голосом: – Так что – зря вы молебен пропустить решили. Зря! Такое я – не одобряю! – Подтверждая свои слова, Пётр рубанул воздух рукой: – Зря!

– У меня – выходной, – поддёрнув лямки своего рюкзака,

Анатолий насмешливо посмотрел на раздувшегося от ощущения своей праведности парня: – Меня Фаммий к себе в служки зовёт.

– Иди ты! – Из Петра словно выпустили воздух – он съёжился, сник, а в голосе появились угодливые нотки: – И ты, Анатолий, вы – согласились? Какя честь!

– Взял двое суток на раздумья.

– Двое суток?! Раздумья?! Да я б ниц пал, позови он меня! Слёзы бы от радости лил!

– Вот поэтому он тебя и не зовёт, слизняк! – Пробормотала себе под нос Екатерина, но Пётр этих слов не расслышал, увлечённо, рассказывая о том, как бы он был счастлив подобному приглашению.

– Да. Двое суток, – перебил его Анатолий, которому было противно подобное излияние верноподданических чувств: – Ответственность большая, понимаешь?

Почтительно смотревший на него Пётр часто-часто закивал, полностью разделяя его слова.

– Вот. Вижу, что понимаешь, – неторопясь и солидно – Катя приоткрыла рот от удивления – прежде за братом подобное поведение не водилось, продолжил Анатолий: – Надо всё обдумать. Служба-то – ого-го, какая. Ответственность.

– Да-да-да, конечно-конечно, – заверещал было парень, но немедленно смолк, стоило будущему служке продолжить.

– Вот я и взял два дня. Чтобы от суеты удалиться и подумать – достоин я, или нет. А ты иди, – где-то за их спинами

хлопнула ещё одна калитка, выпуская торопящегося на молебен прихожанина и Анатолий, подтолкнул Петра в сторону городской площади: – Всё, иди, а то с местами проблема будет. Да и нам поспешить надо – пока светло хотим до пещер дойти – там молиться будем. Совета и просветления ждать.

– От неё? – Сотворив символ веры, Пётр посмотрел вверх, но Анатолий не спешил ни повторить его жест, ни подтвердить его догадку.

– Иди, – оттолкнув парня, он передёрнул плечами, разминая спину под рюкзаком и двинулся по ведущему за город шоссе, прежде соединявшему городок с областным центром.

– Ага, уже бегу, спасибо за напоминание, добрый господин, принялся раскланиваться им в спину Пётр, а когда парочка отдалилась на достаточное расстояние, сплюнул себе под ноги:

– Ну, твари городские! И тут обошли! Что б Богоматерь вас приподняла, да об землю шлёпнула! То б вы в своих пещерах…

Раскатистый дребезг бронзового била, который был выплавлен из ставших ненужными колоколов, заставил его подпрыгнуть на месте.

– Опоздал! – Припускаясь вскачь, он рванул в сторону площади, на миг задержались, чтобы погрозить почти невидимым в вечернем сумраке фигурам:

– И это я вам тоже припомню! Сволочи! Городские!

– Он тебя что – и вправду пригласил? – Нарушила молчание Екатерина, когда последние заборы частного сектора остались далеко позади: – А? Толь?

– Пригласил, – буркнул он в ответ, всем своим видом демонстрируя полное нежелание развивать эту тему.

– А ты? – Сестре, как это бывало и прежде, в подобных ситуациях, было плевать на его желания: – Ты что – отказался?

– Раз с тобой иду – то да.

– А чего так?

– В цене не сошлись.

– В цене? Ты что – со Старцами торговаться начал?!

– Ну, начал. Пошли, темнеет уже. Говорю же – в цене не сошлись.

– Эээ… Нет, – забежав вперёд, она встала перед ним, закрывая дорогу: – Говори!

– Кать, не надо.

– Говори!

– Ну… Он, – поняв, что рассказа не избежать, и хорошо зная характер сестры, он сдался:

– На пригласил. Только не к себе, а вообще. Служить.

– И ты – отказался?!

– Взамен он потребовал, – посмотрел в сторону Анатолий: – Чтобы я… Ну…

– Что – ну?!

– Чтобы тебя уговорил. Прийти. На исповедь. Довольна?!

– А ты? – Екатерина была упёрта как стадо баранов,

оправдывая свой знак гороскопа.

– Или, чтобы я тебя силой приволок, – тихо проговорил он и, так же тихо, добавил: – Пошли, а?

– Спасибо, Толь, – привстав на цыпочки, она чмокнула его в щёку: – Я это запомню, брат.

– Пошли, – шагнув в сторону, он обошёл её и двинулся дальше, дождавшись, когда сестра пристроится рядом.

– Так у тебя план есть? – Поинтересовался он шагов через двадцать и Катя, довольная сменой темы, наконец улыбнулась, гоня прочь навалившиеся на неё проблемы.

– План? Ха! Ты сомневаешься? Конечно есть! Сейчас, – она махнула рукой куда-то вперёд: – От городка отойдём – и расскажу!

Местом для привала было выбрано заброшенное колхозное поле. Прежде здесь выращивали лён – маленькие, потемневшие от времени снопики, ещё виднелись кое где, грустным напоминанием о прежних временах, но природа брала своё, и большую часть поля покрывали кусты побегов, спешащих утвердиться на свободном пространстве.

Найдя небольшой клочок земли меж таких кустов – место было выбрано так, чтобы оно не просматривалось с дороги, Толя принялся разбивать лагерь. Опыт подобных мероприятий у него был – в сначала будучи школьником, а после, уже учась в колледже, он не раз и не два, принимал участие в почти настоящих походах, путёвки на которые бес-

платно распространялись среди учеников. Несмотря на то, что подобные мероприятия проводились по заранее подготовленному маршруту, оборудованному как местами ночёвок, так и всевозможными ухищрениями по части безопасности, кой-какой практический опыт участники всё же получали. Насколько эти знания были полезны горожанам, обречённым на жизнь в каменных джунглях, судить было сложно, но Анатолий, которому подобные мероприятия пришлись по сердцу, очень хотел повторения подобного, но, уже на новом, без опеки сверху, уровне. Кроме того, ему очень хотелось блеснуть своими навыками выживания перед друзьями из числа местных, заранее и безоговорочно записавшими его в разряд изнеженных горожан, и скептически относившихся к его рассказам о походах в Крыму и Карелии. В общем, как вы понимаете, к данному мероприятию, Анатолий готовился сверх тщательно, неоднократно вызывая недовольство отца тратами, как не раз заявлял тот, на подобную глупость. Отец протестовал, ворчал, высмеивал его желания, но, что было для Анатолия главным, деньги давал. Результат – большой, если не сказать, огромный рюкзак, захваченный им с собой, был набит всем, что могло понадобиться в коротком, на два-три дня, походе.

Походе, увы, так и не состоявшемся. По понятным причинам.

Не раз и не два, сестра требовала его распотрошить содержимое, надеясь обменять хоть что-то из собранных им запа-

сов на еду, но все её попытки заканчивались неудачей – не желая расставаться с мечтой, или, возможно не желая терять осколки прошлой жизни, Толя был непреклонен.

И вот сейчас, пусть и не так, как он планировал и не перед теми людьми, ему выпал шанс на практике продемонстрировать свои навыки.

Расстелив на земле коврик и усадив на него сестру, он принялся с чем-то возиться на земле, старательно прикрывая своё занятие всем телом.

Звонкий металлический щелчок, характерный треск пластиковой упаковки, ещё один треск, узнаваемый – так трещит колёсико дешевой зажигалки, сдавленное шипение – он явно обжёг пальцы огоньком, бульканье воды и…

– Та-дам! – Отодвинувшись в сторону, Анатолий указал на крохотную походную горелку, согнутую из металлических пластин. На ней, грея дно в пламени таблетки сухого спирта, стояла подкопченная алюминиевая кружка, две трети которой занимала вода с каким-то мусором на поверхности.

– Три минуты, – брат прищелкнул пальцами: – И суп дня – готов!

– Суп дня? – Недоверчиво покосившись на мутное содержимое, Екатерина подалась вперёд, одновременно втягивая носом первые струйки пара, начавшие свой бег от поверхности воды. Странно, но пахло именно супом – куриным бу-

льоном, если сказать точнее.

– Ага, – угадал её мысли Анатолий: – Бульонный порошок Магги. Или не Магги, не важно. Мне их папа сунул – сказал, мол, пригодится.

– Да, он такое любил, – кивнула она: – Помнишь, мама рассказывала, что он, ну когда они только познакомились, очень подобное любил, кубики эти. Даже гордился, что мол быстро всё – раз, и суп готов.

– Не надо, перестань, – Толя быстро отвернулся, но девушка успела заметить блеск его повлажневших глаз.

– Пока готовится, – решив сменить тему, она зашарила по карманам и через несколько секунд на её ладони появился небольшой, как брелок, диск тёмного металла с выпуклой белой кнопкой по центру:

– Вот. Это мой план.

– Эээ… Это?

– Помнишь, – она подкинула брелок на ладони: – Когда торговые дни были? До того, как их Старцы запретили? Ну, когда сверху, – мотнула она головой, указывая на быстро темневшее, но ещё без звёзд небо: – Транспорта прилетали?

– Помню, – кивнул он в ответ: – Только Старцы это дело быстро прикрыли – зачем им конкуренты, да и отток людей? Вот и запретили к нам прилетать. И вот, – взяв тряпку из своих запасов, он протянул её сестре: – Суп готов. Только кружка горячая. Ты за ручку тряпкой берись.

– Угу. – Взяв как он сказал, Катя подула на дымящуюся

поверхность и осторожно, боясь обжечься, сделала небольшой глоток. Почти забытый вкус – вкус и запах той, оставшейся в прошлом мирной и спокойной жизни, накрыл её с головой, но она сдержалась и повторив глоток, продолжила:

– Я тогда с пилотом познакомилась. Был там один, молоденький, на меня запал. Позволила ему меня в сторону, за корабль отвести, ну и, – она смолкла, делая очередной глоток и Анатолий, пользуясь паузой, быстро спросил, не тая негатива в голосе: – Обидел? А ты – молчала? Эх…

– И не обидел. Руки он, конечно распускал, но…

– А ты?

– А что я? Я – девушка местная и глупая, – она озорно подмигнула ему: – Лепетала, что не надо, что нельзя так, что увидеть могут. В общем – ничего-то и не было.

– Правда? Не врёшь?

– Толь! – Катя протянула ему ополовиненную кружку: – Держи. И не вру, хотя тебя – моя жизнь, не касается! Так вот. Он, в меня, втюрился.

– Думаешь?

– Не знаю, – пожала она плечами: – У меня прежде такого не было, а спросить, – Катя тяжело вздохнула: – Сам понимаешь – не у кого. Мама бы подсказала, но…

– Кать! Не начинай!

– В общем, на втором свидании…

– У тебя и второе было?!

– Было! Не перебивай. На втором он мне вот это, – она

снова подкинула диск: – И оставил. Это аварийный маяк. Настроен на его передатчик. На тот, что в его корабле. Сейчас вызовем – и на Станцию улетим. Как тебе такое, а? – Окинула Екатерина брата победным взглядом: – И пусть эти святоши здесь сидят – мы наверху будем!

– А цена? – Анатолий совсем не разделял её оптимизма: – Что взамен? Он – пилот твой, что взамен потребует? Тебя? Тут – Фаммий, там – этот.

– Там, – махнула она рукой вверх: – Хоть молодой и симпатичный. Да и, – Катя запнулась, сжала губы, но через миг, справилась с нахлынувшими чувствами: – Решила я так. Не дорогая цена за наше, – она снова споткнулась на словах: – Спасение. Спасение всех. И тебя, и Айечки, – потрепала она лежавшую у её ног собаку: – Помнишь, отец рассказывал, как девки свою девственность на аукционах продавали?

– Кать… Не надо.

– А что такого? Да, не хорошо, а что такого, ответь, Толь? Тут меня силой возьмут, а там… Не знаю, что там, но что не хуже, чем здесь – точно. Да и уйти со Станции можно. Мне так пилот говорил – к ним постоянно торговцы залетают. Устроимся на корабль – по галактике полетаем. Ты юнгой, я полы мыть буду.

– И продадут нас. Меня на рудники, тебя в бордель.

– Если контракт заключим нормальный – не продадут. Договора там, – она снова мотнула головой вверх: – Строго соблюдают. В общем ты как хочешь, а я решила. Мы с Айеч-

кой, – потрепала она собаку меж ушей: – Улетаем.

Громко хрустнув лопнувшей блокировкой, белея кнопка вжалась в поверхность диска и принялась наливаться тёплым зелёным светом.

– Вызвала? – Окинув её неодобрительный взглядом, Анатолий налил в кружку воды из фляги и, погоняв остатки бульона по стенкам, залпом выпил остатки: – И как долго ждать?

– Не знаю, – осторожно сняв палец с кнопки, Екатерина положила её на ладонь: – Сигнал – ушёл, видишь, – показала она на пульсировавший зелёный кружок: – Раз моргает, то…

– Говорит борт Е-два-два-шесть! – Послышался от диска негромкий молодой мужской голос: – Станция Плавная Спираль. Ваш сигнал принят, назовитесь!

– Это я! Катя! – Поднеся диск ко рту торопливо заговорила она и Анатолий удивился тому, как она изменилась – теперь рядом с ним сидела донельзя напуганная девчонка, голос которой дрожал от едва сдерживаемых слёз:

– Катя! Помнишь меня?!

– Катя? – Судя по голосу говорившего, это имя, либо было ему в новинку, либо было напрочь стёрто из его памяти.

– Ну да, Катя. Мы с тобой, за кораблём твоим… Забыл? Забыл, да? – Теперь в голосе прорезались новые, не обещавшие слушателю ничего хорошего, нотки: – А обещал-то… Обещал-то! Забыл?

– Погоди, Катюша, – было ясно что её собеседник изо всех

сил пытается выкопать из памяти хоть что-то: – Эээ…

– Я с собачкой была. Ну? Она ещё у нас тогда под ногами крутилась? Рыжая такая.

– Ааа! Рыжая и мелкая? Эээ… Лайка, да? – Вот теперь в голосе пилота послышалось облегчение: – Фуух!

– Не лайка, а Айка!

– Тяв! – Звонко обозначила свое присутствие та.

– Во! Точно! Кать? Что случилось? Чего не вызывала?

– Мне помощь твояяя, – немедленно принялась хлюпать носом она, сдерживая рыдания из последних сил: – Нужнаааа…

– Что случилось?

– Меня за-а-а-муж… За старика… А я не с ним, – рыдания, до того сдерживаемые, прорвались наружу: – Я с то-обой…

– Эээ… – было ясно, что подобный поворот застал его врасплох: – Я это… Ну – смена только… Сменился я в общем…

– Я… Ты… Я, – резко и громко выдохнув, словно решившись на отчаянный шаг, она бросила: – Согласна!

– Согласна? На… – Удивление, сопровождавшее тон пилота первые секунды, быстро сменилось решительностью: Так. Катя. С места не уходи. У меня переработок много, да и за старшим смены должок есть. В общем вылетаю я. Немедленно. Ты с собачкой?

– Да. С Айкой и братом.

– С братом? А зачем нам брат? Брат нам не нужен.

– Но ты же всех обещал?! Забыл?

– Хорошо, хорошо. – Испытывать судьбу пилот явно не хотел: – С братом, так с братом. Места всем хватит.

На заднем фоне что-то щёлкнуло и цвет кнопки начал медленно меняться с зелёного на жёлтый.

– Перевожу сигнал в режим маяка. Связь пропадёт. Жди. Минут через пятнадцать буду. Отбой.

Кнопка окончательно заполнилась жёлтым и Катя, поднявшись на ноги, выбросила в сторону городка сжатый кулак с выставленным средним пальцем:

– Ну что, святоши, съели? Отсосите, поганые!

Действительно, ждать пришлось недолго.

Прошло всего десять минут, как с неба послышался гул, и ещё через пару минут, челнок – брусок светлого металла, с короткими крыльями, остро скошенным носом и цепочкой жёлтых габаритных огней по корпусу, замер на траве метрах в двадцати от них.

Небольшая пауза и в его борту распахнулся люк, сопроводив своё движение появлением короткой аппарели, бесшумно упавшей в траву.

– Катюша! Как я рад нашей встрече! – Выскочившему наружу пареньку было лет двадцать пять. Широко расставив руки, он двинулся к ней, но, напоровшись на неодобрительный взгляд Анатолия, резко сбросил скорость и опустив ру-

ки, изменил курс, двинувшись к брату.

– Пауль, – подойдя к брату он протянул руку.

– Анатолий, – ответил крепким рукопожатием тот, переводя взгляд на челнок:

– Твой?

– Станционный, – с сожалением вздохнул пилот: – Мне на такой ещё копить и копить. Ну, здесь, на Станции. А вот если в торговцы уйти, – подал он руку девушке, помогая той подняться по трапу: – В смысле, в экипаж вольного наняться, то там да. Там пилотам хорошо платят. Пара боёв и можно свой истребитель купить.

– Это – если выживешь.

– Да пираты-то и воевать не умеют! – Принялся яростно отстаивать свою мечту Пауль: – Их все имеют! Главное обучение пройти.

– А ты чего? Не прошёл? Если так просто?

Тут им пришлось прерваться и разговор возобновился только в небольшой рубке челнока.

– Времени нет, – вздохнул пилот, щелкая тумблерами на расцвеченном множеством лампочек, пульте: – У нас же график. И он, ой какой плотный. Я вот, только за сегодня, – покосился он на Катю, которая уже сидела в правом от его, бывшим центральным, кресле: – Уже три вылета сделал.

– Ого, – уважительно покачала та головой: – Устал, наверное?

– Ну да. – Вздохнул парень, поправляя ворот серой кур-

точки с эмблемой Станции на спине: – От скуки!

– Это как? Ты же летал?

– Ага! Если бы! Ползал! Взлёт-посадка, – невесело пробормотал пилот: – Взять торгашей и высадить в точке "А". Вернуться и тож самое – но в точку "Б". Скука смертная!

– Бедненький, – с взгляд девушки был полон сочувствия: – И так – каждый день?

– Почти, – неожиданно расплылся тот в улыбке: – Но не сегодня. Мне старший должен, – подмигнул он ей: – Я ему несколько раз, кое-что снизу привозил. Без оформления, понимаешь? – Он, со значением посмотрел на Катю, и та кивнула, одаряя его полным уважения взглядом.

– Вот он мне и выделил сорок минут. Для отработки навыков пилотирования, – гордо расправив плечи, Пауль принял героическую позу. С его точки зрения, разумеется.

– В общем – сейчас полетаем, – продолжил он, кладя руки на рычаги управления: – Ты скажи, – повернул он к ней голову и повышая голос – шум запущенных двигателей начал заполнять рубку: – Ты на Тихом океане была?

– Нет. Я только на Черном море, разок.

– Тогда сейчас туда – это быстро, потом к Америке – полюбуемся восходом, и наверх. Идёт?

– Идёт! – Весело согласилась та и челнок, чуть дёрнувшись оторвался от земли.

Летели они быстро – Пауль едва успевал перечислять го-

рода, вернее сказать – те места, где прежде располагались особо крупные людские муравейники, нынче все как один обращённые в руины и горы щебня.

– Через минуту, вон там, – махнул он рукой влево: – Будет Екатеринбург, или, если по-старому, Свердловск.

– Свердловск? – Екатерина равнодушно пожала плечами: – Первый раз слышу. Этот Свердловский, он что – известным был?

– Чем-то, наверняка, прославился, – начал было пояснять пилот, но вспыхнувшая на пульте жёлтая лампочка и раздавшийся секундой спустя тонкий писк, заставил его смолкнуть.

– Это ещё что?! – Встряхнув головой он бросил короткий взгляд на девушку, но ответный взгляд той не был способен ни на йоту прояснить ситуацию.

– Очень странно, – заработал он рычагами делая резкий поворот и всех их потащило вправо, вжимая в подушки кресел: – Нас облучают?!

Моргание и сопровождавший его писк, ускорилось и Пауль выругался, закладывая ещё одну петлю:

– Нас держит в прицеле! – Выкрикнул он, резко потянув ручку на себя: – Держитесь! Ухожу на орбиту!

С этим решением он запоздал всего на пару секунд – нос челнока только-только начал задираться к звёздному небу, как снизу, что-то громко прошипело, шипение сменилось треском, а ещё через миг, на них обрушилась какофония тревожных сигналов – в челнок попали.

– Иду на вынужденную! – Мгновенно взмокнув, Пауль вцепился в рукояти, пытаясь выровнять смертельно раненый корабль. Но даже Кате, никогда не интересовавшейся симуляторами полёта, было ясно, что дело плохо.

Пульт пылал алым.

Редкие островки светивших зелёным сигналов тускнели на глазах и в том, что падение неизбежно сомнений не было.

– СОС передавай! Ну? Пауль? – Донёсся до неё крик брата, но пилот лишь вяло отмахнулся, выпуская рычаги из рук:

– Сдохло всё.

– А? – Её вопрос на долю секунды повис в воздухе, прежде чем пилот ответил ей грустной улыбкой.

– Автоматика ведёт. Может и передала – не знаю я. Вы это, – вдруг встрепенулся он: – Если что – передайте. То боевой лазер был. Гигаватта три, не…

Короткий удар, треск, ветки за лобовым стеклом, новый, более сильный удар, визг Айки, впечатанной инерцией в стенку, тряска, удар, по лобовому змеится трещина, удар, удар и…

Неожиданная тишина, нарушаемая лишь тихим перещёлкиванием начавших успокаиваться реле, да раздражённым шипением замыканий, принявшихся осваивать тело умирающего корабля.

– Толь? Ты жив? – По её лицу пробежала волна прохладного, наполненного смоляными ароматами воздуха.

– Толь? – Встревожившись, она повернулась к брату и

вскрикнула, зажимая ладонями рот – Пауль, ненадолго переживший свой корабль, сник в кресле, прикованный к нему обломком ствола, пробившим и остекление кабины, и его тело, навсегда оставляя пилота на своём посту.

Рубка, и прежде не отличавшаяся своими габаритами, сейчас просто съёжилась, заполнив большую часть своего пространства обломками сорванных со стен приборов, переломанными ветками, листвой и стеклянным крошевом. Последнего оказалось неожиданно много и Екатерина, чьи ноги увязли в прозрачном месиве почти по щиколотку, почти минуту отчаянно тупила, пытаясь понять откуда здесь столько битого стекла.

Из ступора её вывел стон брата – его фигура, прежде неподвижно обмякшая в кресле, пошевелилась, рука приподнялась, касаясь головы и стон, полный боли, повторился вновь, побуждая сестру к действию.

Вблизи брат выглядел хреново – от обилия крови Кате стало дурно, но новое движение – что-то мягкое ткнулось ей в ноги и последовавшее жалобное поскуливание спасительно переключило её внимание на Айку.

– С тобой-то что?! – Она уже хотела было присесть на корточки, но в этот момент залитое кровью лицо повернулось к ней и Анатолий, с трудом разлепив слипшиеся от крови губы, прохрипел:

– Там. У входа. Аптечка. Белая.

– Сейчас! Ты только держись! – ругая себя, что не додумалась до такого простого шага, Екатерина метнулась к двери, перепрыгивая через ветки. Секунда – и она уже была подле брата, сжимая в руках вытащенную из аптечного ящичка небольшую сумку, тоже белого цвета.

– Влаж-жную, – он неожиданно принялся заикаться и девушка, ойкнув – это было слишком неожиданно, чуть не выронила сумочку.

– Са-алфктку. П-п-прот-три.

– Сей. Сейчас, Толя, ты только терпи. Раз болит, то это хорошо, – поспешно забормотала она, вытаскивая прямоугольный брикет вакуумной упаковки: – Ты только сознание не теряй, слышишь? Толя?! – Видя, как он прикрывает глаза, вскрикнула она и поскуливавшая у её ног собака взвизгнула, словно понимала происходящее.

– П-п-протри. По-пото-м. Тюб-бик. Спасат-тель. И н-не бойся. К-кон-туз-зило. Стек-клом.

То, что он серьёзно не пострадал, она увидела сразу, как прошедшая по его голове салфетка, открыла её глазам длинную царапину поперёк лба. Стараясь не смотреть как сочащаяся кровь заливает только что очищенный участок, она принялась выдавливать прямо на рану желтоватую массу, сильно давя на голубой, в зелёную полоску, тюбик. Мазь была явно инопланетной – стоило только ей коснуться пораненного участка, как та принималась тускнеть, из насыщенно жёлтой становясь бледно розовой, застывая прямо на теле

подобием уродливой опухоли.

– Фуууу, – с явным облегчением выдохнул брат: – Пол-легч-чало. Ора-н-жевую коробочку. Ищ-щи. Дай. Две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.